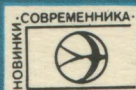

84524
Р. 202

ГИЛЕМДАР РАМАЗАНОВ

Памяти

Гилемдар Рамазанов родился в 1923 году в с. Старобалаково, ныне Чекмагушевского района Башкирской АССР. В 1949 году окончил Башкирский педагогический институт, а в 1953 — аспирантуру при МГУ. Доктор филологических наук. Участник Великой Отечественной войны. Автор многих поэтических сборников на башкирском и русском языках.

НОВИНКИ СОВРЕМЕННОГО

ГИЛЕМДАР РАМАЗАНОВ

Память

*Стихотворения
и поэмы*

Перевод
с башкирского

«Современник»
Москва · 1984

Рецензент *А. Мелеткина*

Рамазанов Г.

- Р21** **Память: Стихотворения и поэмы/Пер.**
с башк. Предисл. В. Рослякова. —
М.: Современник, 1984. — 176 с. — (Но-
винки «Современника»).

В пер.: 75 коп.

Гилемдар Рамазанов — лауреат Государственной премии Башкирской АССР имени Салавата Юлаева. Гражданская и философская лирика поэта привлекают искренностью чувств и глубиной мысли. Особый интерес у читателей, несомненно, вызовут стихи о войне, участником которой был поэт.

Р 4702110000—305 265—84
М106(03)—84

ББК 84 Башк.
С (Башк.)

Память, не дающая покоя...

Если поэт вообще — нечто необыкновенное среди людей, то поэт советский есть феномен среди поэтов мира, явление новое, рожденное историей нашего, социалистического государства. Пока он ходит по зеленым улицам Уфы, Ташкента или Риги, пока мчит его оленья упряжка по ослепительной снежной равнине, пока он радуется родным степям под Элистой или шагает в уличном потоке московского Арбата, пока слагает стихи, работает или празднует под родным небом, он как бы только поэт башкирский, или узбекский, или латышский, калмыцкий, поэт северного племени манси, Дагестана или Грузии, белорусский или русский.

Но он — другой, необычный, новый для мира. Он — советский поэт. Как только переступает рубежи своей Родины — туристом ли, другим каким гостем, — он еще острее ощущает это. Во все часы и дни гостеванья в чужих странах он чувствует за своей спиной не одну только Башкирию, Туркмению, Россию или другой какой родимый край, за его спиной большая Советская Родина, СССР...

Мы стоим в центре нашей Родины, в Москве на улице Герцена.

— Что новенького, как живется, Гилемдар?

— Был в Африке, написал стихи. Сейчас пишу поэму о Москве.

Мой давний друг по Стромынке, по общежитию, по одной комнате, по молодым аспирантским дням и ночам — давно уже известный поэт. Теперь он из Африки. Спешит домой, в Уфу, башкирский поэт Гилемдар Рамазанов. Башкирский... А там, в далекой Африке?

Просыпайся же, Африка!

Азия, пой!

Загудите, как вихрь

в непогоду!

Кто еще не свободен,

вставайте на бой,

на решительный бой

за свободу.

Море Белое есть в нашем

дальнем краю.

Плещет Черное в лунном

просторе.

Они славят борьбу

и победу твою,

море Красное,

Красное море.

Так говорил он там, поэт страны от Белого моря до Черного.

И еще проходят месяцы, годы.

— Салам, Гилемдар! Что новенького, как живется?

— Вот книга новая вышла. Пишу поэму об отце, он погиб под Можайском, у Бородинского поля, в сорок втором.

Сколько я помню Гилемдара, где бы мы ни встречались, он всегда в книгах, в стихах, в поэмах. А ведь там, на Стромынке, когда мы корпели над своими диссертациями и когда Гилемдар отодвигал в сторону ученые свои бумаги: «Буду писать поэму», я не принимал это всерьез. Но он стал и ученым, и поэтом.

Я листаю поэтический сборник Гилемдара. «Прощание с Казанью», «Комната Ленина в Смольном», «Аврора», «Крещатик», «Дорога в Горки», «Ленинградская осень», «Бородинское поле»... Уже по названиям стихотворений видно, что это поэт Страны Советов. Но, может, он забыл свою Башкирию, где родился и вырос,

куда возвращается из любых поездок? Как можно подумать об этом?! Одно только слово «Уфа», где бы он ни услышал это короткое слово, «сердце манит, сверкая...».

Башкирия разнообразна. Есть горная Башкирия, есть лесная и есть степная. В степной деревушке Старо-Балаково — семьдесят километров от железной дороги, сорок пять до ближайшей пристани на реке Белой — в этой глуши жил некогда маленький Гилемдар, ловил пескарей в родной речке База, гонялся за телятами, слушал отца-грамотея. Отец был мудрецом на деревне, сельчане ходили к нему за советом, он был самым ученым человеком, почту разносил, сам газеты читал.

Скучная степь, бедная. Деревня Балаково. А балак по-башкирски — штанина. Но кто может думать о своем родном клочке под небом, что там скука и бедность? Какая штанина, почему штанина? Бал — это мед по-башкирски, ак — значит течет. Вот что такое Балаково. И маленький Гилемдар гордился этим. Он не знал еще по-русски, мой будущий друг, и мы не смогли бы тогда даже объясниться, не смогли бы понять друг друга. Но вот и в степи заговорила новая жизнь. Пришли первые русские книжки, среди них — «Как закалялась сталь». Пришел Пушкин. И первые стихи самого Гилемдара к столетию гибели Пушкина. Вот они:

Спи спокойно,
великий Пушкин,
Пусть расцветает
песня твоя!

В руки мы взяли перья
И теперь станем поэтами
На смену тебе.

И ведь стали! Они росли и учились вместе — Гилемдар Рамазанов, Хаким Гиляжев, еще Шариф Бик-

кол и Муса Гали. Подросли и солдатами ушли на войну. Хакима Гиляжева ранило на Волыни, под Луцком. Орден Отечественной войны нашел его спустя двадцать лет. Муса Гали ранен на Днестре. За форсирование Днестра и за Сандомирский плацдарм Гилемдар награжден двумя орденами Красной Звезды. До этого на Курской дуге вступил он в партию и получил первую медаль «За боевые заслуги». А под Великими Луками тяжелая контузия... После войны снова встретились четыре друга. Все они стали поэтами.

Жизнь доктора наук, солдата и поэта Гилемдара Рамазанова сама достойна поэмы. Ему есть откуда черпать материал для своих поэм и стихов.

Преобразилась и Башкирия. Степь покрыта сегодня лесами нефтяных вышек, и жизнь там бьет ключом. Для Гилемдара не только степь, но и вся Башкирия раздвинулась широко — от Белого до Черного моря. Вся огромная Родина дышит в его поэтических книгах. Тут и романтическая поэма «Разговор гор», где сами горы, родные Уральские горы рассказывают о жизни, о подвигах, о славе народа; тут и поэма о современной интеллигенции, о молодости, когда вступают в жизнь, ищут пути в нее, о славных людях, но также и о таких, что стараются войти в жизнь через заднюю дверь, с лестью, с обманом. В «Зорях молодости» поэт берет под обстрел подобных ловкачей. Вообще надо сказать: поэзия Гилемдара — поэзия совестливая, чуткая к любой фальши, к неправде, к любому злу, к несправедливости. Это, конечно, от природы поэта, от воспитания и, бесспорно, от честной солдатской судьбы. В поэме «Свидание с отцом», где живой сын-солдат разговаривает с погибшим отцом-солдатом, высказаны самые заветные мысли поэта о чести и долге, о высоком назначении человека, о Родине, о смерти и бессмертии: «Твоя жизнь, отгоревшая рано, продолжается в песне моей».

Гилемдар нежен в стихах, когда обращается к родной природе, к любимой, к друзьям. Но и тогда он не может забыть о минувшей войне, о павших товарищах, об отце, сложившем голову у Бородинского поля, о незаживших ранах. Эта память не дает покоя, делает поэта чутким и в то же время жадным к жизни.

Покрыты шрамами
и ранами,
мы — на ветру, в пути
с тобой.
О птицах и цветах
не рано ли?
Не кончен бой,
не кончен бой.

Или:

Ведь если в строчках
наших видятся
эпоха, люди и бои, —
на нас с тобою
не обидятся
в родимых рощах
соловьи.

И все же пишет о птицах, и цветах, и соловьях в родимых рощах, потому что жизнь есть жизнь, а поэт есть поэт, и его сердце жаждет, горит, волнуется, чтобы греть и волновать людей.

Все ругает меня друг-поэт,
мне он мудрый дает совет:
— Ну и ну, — говорит, —
Хорош!
Много ты на себя берешь!
Посмотрите, — ворчит, —
на него:

ну, чего ты кипишь, чего?
Сердце, милый, всего одно,
может быстро сгореть оно...

Конечно, этот «мудрый совет» не для него. Гореть — призвание поэта. Гилемдар находится сейчас, как говорится, в расцвете горения, творчества, дружбы. Закончил поэму «Три горсти земли», пишет новые стихи, родившиеся в поездках по Белоруссии, Украине и по родной Башкирии. То нежен, то по-солдатски суров его голос. Но какой же все-таки он поэт, мой друг Гилемдар? Каков масштаб его? Большой ли он поэт, не большой? Не боюсь задавать себе эти вопросы. Он талантлив. А таланты в искусстве все равны, — так сказал один из поэтов, хотя сам был великим.

А главное в одном из последних стихотворений самим Г. Рамазановым сказано:

Я сам не знаю,
Хорошо ли это...
Но сожалений нет
наверняка,
Что лучшая из песен —
не допета,
Что главное — не сделано
пока.

Ведь это прекрасно, когда лучшие песни и главные дела еще впереди. Стоит пожить для этого на нашей земле.

Василий Росляков

Стихотворения

Солдаты Курской дуги

Я вспоминаю молодость свою,
И снова гордость наполняет сердце:
За Белгород сражался я в бою,
Где славою овеяны гвардейцы.

Армаду танков двинули враги,
Огонь и кровь простор степей закрыли,
А всё же ни на шаг не отступили
Солдаты Курской огненной дуги.

Как позабудешь этот день и мрак
От гари «тигров»? Натиск вновь отбили.
Сам командир в окопе прикрепил мне
Медаль после тринадцати атак.

Как позабыть блиндаж, глубокий лог
Под Обоянью, где в ночах горящих
От коммунистов слышал настоящих:
«Достоин в партию вступить, сынок».

А было мне лишь девятнадцать лет.
Но те слова всю жизнь я помню свято.
На мир глазами я гляжу солдата,
Прошедшего дорогою побед.

И, как бы ни стращали нас враги,
Нейтроном угрожая всей планете,
Пусть помнят, что живут еще на свете
Солдаты Курской огненной дуги!

Светлый день

На уральском танке сын Урала

Укротил, хоть вынес бед немало,
Рурский пламень и слепой металл.
На уральском танке сын Урала
Там прошел, где сокол не летал.

Курская дуга его сгибала,
И под Сандомиром он горел,
На уральском танке сын Урала
Все прошел и чудом уцелел.

Чешские ветра теплом дохнули,
И в Европе в лучший день весны
Пал он от последней самой пули,
В самый распоследний день войны...

Тридцать восемь раз весна играла,
Цвет в садах вишневых облетал.
Ведь с уральской стали сын Урала
В смерть шагнул и встал на пьедестал.

Крещатик

Слышал, говорили: если видел ты,
Как Крещатик к солнцу ветви простирал,
Как его каштанов пенятся цветы,
То, считай, готово — сердце потерял...

А потом случилось: смерть со всех сторон
Целилась в твердыню сердца моего.
Через смерть и пламя рвался батальон,
Видел я Крещатик — не было его.

Не каштаны — пепел, камни да зола,
Где дома стояли — лебеда в лугу.
К ярости и мщенью улица звала,
Не любовь унес я — ненависть к врагу.

Молодости нашей век не увядать!
Но уже немало прокатилось лет.
Как ты там, Крещатик? Вот бы увидеть!
Уж, наверно, стерся мой давнишний след...
...Я ступаю нынче по земле святой,
Я смотрю, слезинки чистой не тая:
Юности солдатской ты служил мечтой,
Как весна, Крещатик, хороша твоя!

Как пьянящ каштанов нежный аромат —
Словно стих Тараса, звон его строфы!
Я привет сердечный передать им рад
От деревьев с Пушкинской из города Уфы.

Сорок лет мне скоро. Я еще не стар.
С радостью я вижу молодость твою.
Ты прими, Крещатик, запоздалый дар —
Я тебе, Крещатик, сердце отдаю.

Янина

Помню, как засиял твой букет
в люках нашего дымного танка...
Помню синих очей твоих свет
и улыбку, красавица Янка.

И запели в душе слова,
и пригрезилось что-то такое..
Помню грустные песни твои
после боя, в минуту покоя.

Говорил я тебе про Урал,
где близка мне любая вершина.
И встречались мы вновь, и считал
я сестрой тебя, Янка, Янина!

Но когда мы бродили вдвоем
иль сидели в цветущем саду мы, —
извини, об Урале родном,
о другой были все мои думы.

Я одною мечтой был томим —
к той лететь, кто бессонниц причина,
кто владеет всем сердцем моим...
Ты прости меня,
Янка!
Янина!

Каурый конь

Слышу:

Ели шепчутся, колдуя,

Вижу их зеленые глаза...

А душа на давнем сабантуе,

Там, где тихо плещется База.

Эти наблюдают за борцами,

Те — за бегунами на кругу.

Помню, все мы,

Будучи мальцами,

Обожали быструю байгу.

И за тем, прищурившись, следили,

Верст на пять, на шесть удалены,

Как из-за бугра

Под буркой пыли,

Резво выносились скакуны.

Сколько взглядов радостных и хмурых,

Сколько страсти:

Легок и удал,

Нашего колхоза конь каурый

Года три призов не уступал.

Расстояниям бросая вызов,

Конь скакал по травам

Поутру,

И рубаха конюха Газиза

Пузырем вздувалась на ветру.

А когда, тревогами повиты,

Замутились дали от огня,

Провожали мы на фронт

Джигита

И его каурого коня.

Не узнать, какие непогоды
Хмуρο подступали к ним в упор.
Где и конь, и всадник
Пили воду?
Из каких колодцев, рек, озер?

Звания Героя удостоен,
Одолевший стужу и огонь,
Не пришел домой
Отважный воин...
Но пришел его каурый конь.

В год Победы,
В год большого мира
Люди не забыли смельчака.
Как же конь погибшего батыра
Смог добраться к нам издалека?

Словно сам джигит
К весенним срокам
Возвратился из-за дальних рек...
Конь стоял в сторонке одиноко,
Не скрывая слез, как человек.

И, когда на праздник попаду я,
Настигает прошлое меня:
Сорок пятый...
Радость сабантуя
И печаль каурого коня...

Командарм

*Маршалу бронетанковых
войск М. Е. Катукову*

Нет ни минуты среди забот,
ни дня без дел, налегке.
А память к Рузе опять ведет,
к дымной Москве-реке...

К Волоколамску пылит блицкриг
в лягзе чужих каблуков.
«Кто в обороне?» —
«Какой-то комбриг, полковник Катуков...»

Стоит бригада: — Вперед когда?! —
Стоит поперек дорог.
Стоит бригада — Караганда,
Сибирь и Дальний Восток.

Ненависть в горле стоит комком,
враг спереди и с боков...
Но нас на запад повел комкор
генерал Катуков.

Было: вода в болотах по грудь,
битвы в зной и пургу.
И не дали мы врагу разогнуть
Курскую дугу.

Две недели котел кипел,
грохот — до облаков.
Под Березовкой на КП
не спит со мной Катуков.

Чудища Круппа чадят, бегут,
теперь Урал — господин!..
Недаром в гвардейских списках зовут
нас «Армия № 1».

Недаром, овеяны славой былин,
мы шли на любой плацдарм!..
Вы помните черный, павший Берлин,
товарищ командарм?
Брони привычную теплоту
доныне хранит ладонь.
Солдат и маршал — мы на посту,
чтоб вновь не ревел огонь.

Как прежде, наша сила тверда,
и нрав уж у нас таков,
что мы ничего не забыли. Да,
товарищ Катуков?

Думы в городе Черткове

Нешумный город меж зеленых гор.
Над крышами нависло небо мгlisto.
Чертковым ты зовешься с давних пор.
В тебя я некогда вошел танкистом.

И встретил здесь двадцатую весну,
три года землю траками пластая.
И, может, в первый раз за всю войну
меня тогда настигла мысль простая,

что глубже надо видеть, глубже жить, —
лишь в той глубине хранится правды завязь.
Тогда я клятву дал не мельтешить
и не пускать к порогу дома зависть,

работать, — только истовость вложив,
избегнуть праздности и суесловья,
самим собою быть, — покуда жив,
на щедрость щедро отвечать любовью...

И вот, спустя полжизни, вновь я тут.

И длится благо.

И немного странно:

костер остыл,

но серый пепел сдут,

и вновь горит моя сквозная рана.

Здесь, где познал я страшный смысл огня,
воспрянул мир. И я — его частица.

А кажется, что впереди меня
моя же юность в душном танке мчится.

Могильный камень.

Лица павших вновь

в который раз передо мной предстали.

Кладу пионы.

Будто нашу кровь —

живых и мертвых —

лепестки впитали.

Дорог и лет минувших не забыть.

Еще и сеять, и вести мне жатву.

Но только б так, чтоб совесть не сгубить,
хранящую мою былую клятву...

А над Чертковым дождь и гром весны.
Прощайте, город, юность, это небо.
Хоть вроде никогда я слабым не был,
сейчас глаза слезой озарены.

Письмо Татьяне

Когда февраль в кумач одет,
Когда цветут знамена мая,
Я свой солдатский шлю привет
Тебе, подруга боевая.

В полку, что всем нам домом был
(Таить теперь уже не стану),
Я как сестру боготворил
Тебя, как Ларину Татьяну.

Как и положено сестре,
Ты с нами вместе бедовала —
Консервы грела на костре
И наши раны бинтовала.

На огненных передовых
Ты, наших душ легко касаясь,
Напоминала нам других,
Вдали оставшихся красавиц.

И лишь ответной теплоты
Ты не могла принять, Татьяна:
На Висле схоронила ты
Отчаянного капитана...

Да, мы прошли через свинец,
В дому и для тебя есть место.
Но я — троих детей отец,
А ты — по-прежнему невеста.

Я жил, волнуясь и спеша,
Летели дни, свершенья, мысли...
Но опаленная душа
Твоя — все там, на дымной Висле.

И я как будто виноват,
Что ты одна, одна, Татьяна...
Я не успел прикрыть, солдат,
Отчаянного капитана!

Невесте с головой седой
Себя забавами не тешить.
Ах, Таня,
Мы — друзья с тобой,
Но чем, скажи, тебя утешить?..

Счастлиное время

Мое заявление

Комсомол — всегда при этом слове
Вспоминается мне гром боев.
Бился до последней капли крови
Друг мой фронтовой — Иван Попов.

Был он статен, не любил печали,
В Оренбургском вырос он краю.
Думал он ночами на привале
Про Марию милую свою.

Я, любя, пронес бы над веками
Образ друга, если б стало сил.
Этими вот самыми руками
Я его под вязом схоронил.

Документы я его отправил.
Лишь в одном нарушил я завет:
Я не сдал, а у себя оставил
Комсомольский маленький билет.

Словно душу друга я у смерти
Вырвал, на груди билет храня.
Показалось мне, что будто сердце
Стало вдвое жарче у меня.

Словно за две жизни — две присяги
Я давал и выполнить готов.
Словно гнев свой, страсть и пыл отваги
Передал мне в смертный час Попов.

Я решил из этого расчета
Заявление в райком подать:
«Просьба, с комсомольского учета
Никогда Попова не снимать».

Ночь на переднем крае

Ну, разве мог подумать кто-то,
Что так обыденно в стихах
Я опишу,
Как ночь
Высоты
Штурмует в огненных степях?!

Пришлось в окопы солнцу скрыться?
А может, солнца нет в живых?
Как будто «склеились ресницы,
Когда передний край притих.

Но мы не спим.
По дну оврага
Вперед разведка проползла.
И пушек «стихшая ватага
Вновь заворчала у села.

А небесам не знать покоя
И этой ночью до зари:
Вот самолет,
Надсадно воя,
Повесил в небе фонари.

Как свечи, вспыхивают пули,
Горит букет
Цветных рзжет.
Деревни курские взметнули
Седых пожаров
Зыбкий свет.

Мы встрепонулись.
У соседа
Стал «бог войны» ворчать сильнее:
Не будет жизни
Без Победы
Для курских выжженных степей!

Танкисты

Завешено небо листвою.
Объявлен короткий привал,
Наш танк,
Остывая от боя,
Под крыльями яблони стал.

Баян словно просится в руки,
Звенит предзакатная медь,
И в песню сливаются звуки, —
Так как же, друзья, не запеть?

А в песне —
Днестровские воды.
И хлябь под ногами солдат,
И танки грохочут, как годы,
И годы, как танки, гудят.

Что бури,
Коль буря из стали
В атаку идет напролом?
Нас руки огня обнимали,
Но душу не выжечь огнем.

А сердце бойца
Так же билось,
Как сердце Отчизны родной.
Танк тесен,
Но сколько вместилось
Любви и надежд под броней!

Чем дальше уходим от дома,
Тем ближе родимый очаг,
Он там,
 за раскатами грома,
За пламенем новых атак.

Нас дружба ведет через горы,
К равнинному лепету рощ.
Мы наши сердца и моторы
Включаем на полную мощь.

И рушит врагов укрепления
Стальная Россия моя.
Что с вами иду в наступление,
Горжусь я,
Танкисты-друзья!

Майский вечер

Солнце за вершину отступило,
Золотом обрызгало леса.

Ощутил я
С необычной силой,
Что в обычном
Скрыты чудеса.

Поражает этот миг захода,
Эта красота и тишина.
Не вокруг, —
Во мне четыре года
Непрерывно лязгала война.

В стороне саксонской
В майский вечер
Слышу рокот пройденных дорог.
А цветы каштанов,
Словно свечи,
Освещают песенный Восток.

Я мечтой —
У отчего порога,
На степной
Башкирской стороне, —
Коль прекрасна прошлая дорога,
Будущая —
Радостна вдвойне!
Тишина какая!..
Майский вечер
Чуть колышет клейкую листву.
Кажется,
Что сто любовей встречу,
Кажется,
Сто жизней проживу!

Одно слово

Беседой дружеской отмечен
мой путь в краю степных дорог.
И лишь тебе при первой встрече
я слова вымолвить не мог.

В кругу друзей ночной порою
я шуткой веселил привал.
И, только встретившись с тобою,
я смех и шутки потерял.

Бежала раньше, словно в сказке,
рассказов пестрая канва.
И лишь с тобой теряли краски
живые, ясные слова.

Свистели птицы возле окон
в туман вечерней полутьмы.
Вокруг да около, намеком,
с тобой беседовали мы.

И все слова, просты и милы,
уже вплетались в нашу речь.
Но, зная, у сердца были силы —
одно заветное беречь.

Мы в жизнь войдем одной дорогой.
Как тайну тайн в моей судьбе,
всей жизнью, всей своей тревогой
«люблю!» скажу одной тебе.

Однополчанам

Мне нет нужды в архивах пыльных рыться,
Разыскивая ваши адреса.
Они передо мной, как ваши лица,
Они во мне, как ваши голоса.

Мне с вами и совет держать, и спорить,
Строчить вам письма на исходе дня...
Вы в радости мои вошли и горе,
Чтоб никогда не покидать меня.

С боями мы прошли огни и воды
И мир ковали в пламени войны.
Меж нами — расстояния и годы,
Но прежней дружбе вечно мы верны.

Когда неожиданным согнут я недугом
Или не в силах снести обидных слов,
Я вспоминаю поле под Калугой,
Где смертью храбрых пал Иван Попов.
И песнь моя — послание привет
Тем, кто живет, и тем, которых нет.
О побратимы, свет бы не был светом,
Когда бы в сердце ваш угаснул свет.

Счастливое время

Снова где-то вспыхнули зарницы,
жизнь мою по-своему края...
Снова сон мой подхватили птицы
и умчали в дальние края.

Это гостя старая с любовью
входит в ей знакомые дома —
к моему садится изголовью
до утра поэзия сама.

И живу я трудно, торопливо
и без песни не встречаю дня...
Трудно, торопливо, но счастливо —
есть ли выше счастье для меня?

Первые

Первенцем родился я у мамы,
Да и в школе тоже первым был.
К цели шел спокойно и упрямо —
В общем, изо всех старался сил.

И в аule первым стал юнкором,
Радуя и близких, и друзей.
Был в делах настойчивым и скорым
И встречал поддержку у людей.

А потом ровесники мои
Меня первым в битву проводили.
Я шагнул в жестокие бои..
Мы легенды обращали в были!
Что ж, теперь похвалимся не зря:
«Первые мы!» — гордо говоря.

Мир настал — мы вновь не отставали,
Хоть нелегок был нам институт.
Крепости учебы штурмом брали.
Был всегда в охотку тяжкий труд.
Девушки, что крепко полюбили —
Вовсе не кого-нибудь, а нас, —
Первыми красавицами были...
Говорю я правду, без прикрас!

Первыми в науку мы пришли,
Путь пройдя петляющий и длинный,
Первыми мы на земле целинной
В летопись народную вошли!

Пусть бегут бурливые года —
Славлю подвиг мирного труда,
Поиск, неумное волненье...
Не сдастся наше поколение!

Время шло — да не об этом речь!
Не жалея сил во имя цели,
Мы сумели многое сберечь:
Пыл души и радость добрых встреч, —
Сердце вот сберечь мы не сумели...

С сердцем, знаю, ни к чему шутить,
И не зря стучит оно тревожно.
Только наш характер изменить,
Каждый понимает, невозможно!

Я вижу: как встарь, неизменен,
всем встречным до мелочи мил,
проходит по Питеру

Ленин,
как в юности он проходил.

И глаз его чистая просинь
спокойно и мудро ясна...

Твердит календарь:

нынче осень,
а в сердце бушует весна!

*

Возводим мы здание солнечной жизни.
Со всею страной я, кажется, дружен,
как радостно верить, что Отчизне
я нужен!

Раскинулся мир без конца и краю.
На юге цветенье, а север завьюжен.
Не все в нем услышат меня, но я знаю —
я нужен!

Кто слышит меня, пусть мне дружбой
ответит,
пусть будет рассвет моим пеньем
разбужен!

О, счастье великое знать, что на свете
ты нужен!

Мои двери покоя не знают ночами,
запереть на замок и на миг их нельзя:
в них стучатся сельчане с мешком за плечами,
забегают проездом однополчане,
навещают соседи, заходят друзья.

Есть у дружбы высокой простые законы:
близкий друг самый дальний проделает путь,
хочет родственник снова ко мне заглянуть,
входят люди, с которыми мы незнакомы,
и соратники, с кем мы знакомы чуть-чуть.

Мой сосед,

тот, что ходит в жилетке и бриджах,
поучает, за лацкан меня теребя:

— Стало модно теперь расшибаться для ближних,
но не надо, мой друг, забывать и себя!.. —

Нет, пусть вечно,

без слов извинения лишних
в доме плачут, смеются, ругают, любя.

Повторяют глупцы, что живу я для ближних,
но тогда что же значит — жить ради себя?!

О бережливости

Кто-то обо мне судачит снова:

— Бережлив, мол, этот паренек!

Молодым — лишь ласковое слово,
старикам — ни слова поперек!..

Всех он хвалит, всем он угождает,
бережет лишь собственный покой.

И врага и друга «уважает»
этот бережливый — он такой!..

Было, да. Не прячусь от ответа.

Было — что стерпел и промолчал...

Но никто не знает, как за это
сам себя казню я по ночам.

Как делю я с другом тяжесть ноши,
не жалею рук своих и плеч:

быть хочу для всех людей хорошим,
и себя хочу я не беречь.

Не беречь от холода и жажды,
не беречь, когда неправда гнет!..

Кто решил, что будет жить он
дважды,
тот себя пускай и бережет.

Было время — наивен, беспечен,
по веселой земле я ходил.

Я со всеми вокруг был сердечен,
всех подряд без разбору хвалил.

Окружен был любовью и славой,
были многие сердцу близки,
и ворчали о том, что я слабый,
только злые в углах языки.

Но пришлось мне с наивностью справиться:
я измену изведal вполне...

То, что стал я кому-то не нравиться,
самому стало нравиться мне.

Сердце бьется, как прежде, упруго.

А улыбка — иная. Строга.

Знаю цену и ругани друга,
и хвале лицемера врага.

Становится все больше дел и лет,

а радости короткие — все реже...

Но пусть заботы и волненья те же, —
они мелки, их словно вовсе нет.

Стерплю беду, перенесу разлуку,
хочу стихом сердца тревожить вам!

Пусть мне судьба одну лишь эту муку
даст. Со слезами счастья пополам.

Другу

Я не таю на возраст наш обиду,
пусть — седина, морщинки там и тут,
пусть больше, чем на деле есть, по виду
нам новые знакомые дают.

Вернешь ли юность, коль она сгорела
в огне войны, в пожаре той зимы?..
Я знаю: наша дружба постарела,
но с этой дружбой молодеем мы.

Конец лета

Солнце все еще к нам благосклонно,
город залит теплом с высоты.
Под окном, в середине тазона,
с опозданием раскрылись цветы.

Все еще под ногами пушисты
одеяла расстеленных трав,
и наполнены шепотом листьев
кафедральные храмы дубрав.

Светят росы серебряным светом
с тонкой кожицы яблок с утра, —
спелым цветом да сладким шербетом
наливаться пришла им пора.

Вот бледнеют в тоске медуницы,
будто тяжкие думы их гнут;
и поют нам прощальные птицы,
предпоследние песни поют...

Человек моего поколения!
Шли весной мы навстречу свинцу...
И опять мы в бою, в наступление,
когда лето подходит к концу.

И давай горевать мы не будем, —
что ж, что осень вступает в права?
Мы в строю еще. Нужные людям,
в нашем сердце созрели слова.

Воспоминание

О, вечера зимой в ауле!..
Над печкой нимбом пляшет свет.
В избе огонь еще не вздули.
И мне всего пятнадцать лет.

Шурпы вечерней запах кроткий
вздымает крышку на котле.
Лепешка ждет на сковородке,
картошка прячется в золе.

А я у печки — явь, мечта ли
мне в зыбком чудится огне?
О чудесах, о дальних далях
Покойно думается мне.

Огонь то стелется, как змейки,
то развернется в дерзкий флаг..
Я знаю: в доме у Зулейхи
сегодня будет аулак¹.

¹ Аулак — дом, хозяева которого уехали в гости, оставив лишь детей. В таких домах собирались молодежные вечеринки.

К ней молодежь спешит без тропок,
пугая песнями мороз.

А я... еще я слишком робок
и очень молод — не дорос.

Я часто вечер тот морозный
вдруг вспоминаю между дел,
и грустновато что-то... Просто
давно у печки не сидел.

Теперь не любят полумрака,
в селе другой теперь уют.
И нету больше аулака,
и песни новые поют.

И хорошо. Весь мир нам близок,
аул по-русски говорит.
А что до далей — в телевизор
на них он запросто глядит.

А все же хочется немножко
того, чего не знал в свой срок —
рвануть бы в улице гармошку,
расшевелить ее разок!

Припевку кинуть молодецки,
чтоб у кого-то щеки в жар!
И хохотать потом по-детски...
Да не к лицу уж, видно: стар.

Однофамильцы

В аллаха верил, почитал пророка.
Старался жить, как поучал Коран,
И соблюдал посты
От срока к сроку
Мой дед трудолюбивый — Рамазан.

Он управлял желаньями своими,
Он серп сжимал,
Пока хватало сил.
Священное и красочное имя
Он с гордостью по жизни проносил.

И от него
Достались мне в наследство
Фамилия моя да серп кривой.
Давным-давно я распрощался с детством,
С полями деда, с луговой травой.
Успел я изучить
Почти полсвета,
Успел друзей надежных завести.
И все же радости предела нету,
Коль встречу Рамазановых в пути.

Они живут
Не под одною крышей
И не всегда, пожалуй, земляки,
Но как своя рубашка к телу ближе,
Так все однофамильцы мне близки.

Одни в поля
Шагают в ранней рани,
Другие в цех приходят поутру.
Есть генерал один.
А в Дагестане
Работает собрат мой по перу.

Моих однофамильцев,
Знаю, много
В краю башкирском и в краях иных.
Но я не зря на жизненных дорогах
Не забываю одного из них.

С бесстрашными товарищами рядом,
За толщью содрогавшейся стены
Сражался он
В пылавшем Сталинграде,
Навек войдя в историю войны.

И оттого мне радостно донине,
Что там,
Где были пламя и металл,
Дом Павлова, могучую твердыню,
Однофамилец мой оборонял.

Не знаю я,
Пришел ли он с Урала,
Или на фронт послал его Донбасс?
На свете жил он много или мало?
Погиб или живет еще сейчас?

Тот Рамазанов разделил по праву
Судьбу и дома,
И большой страны.
И различал он в будущем не славу,
А труд и годы мирной тишины.

Недаром мне, кому война знакома,
Судьба однофамильца дорога,
Как будто там,
У павловского дома,
Я тоже поднимался на врага.

Моих однофамильцев не упомнишь.
Не перечесть — их много, там и тут.
Они в любой беде
Придут на помощь,
В любом бою друзей не подведут!

Приезжай...

Михаилу Львову

Под Лаклами у нас
До рассвета
Волны Ай, набегая, шумят,
Вспоминая о сыне Давлета,
О тебе, беспокойный Рафкат.

Приезжай...
Берега Юрюзани,
Цветом вешних черемух слепа,
Вечерами и в утренней рани
До сих пор ожидают тебя.

В Насибаше
Негромким приветом
Соловьиные трели звучат.
Ты вовек не забудешь об этом,
Сын Давлета — далекий Рафкат.

Ай-река
Торопливой весною
Сабантуй заводит вокруг.

Что ж ты ныне
Опять не со мною,
Удивительной юности друг?

На коне вдохновляющей стати
Мчатся детские годы твои.
Не о них ли
В родном Салавате
Одинок грустят соловьи?

И красавицы ярко одеты,
К роднику по тропинке спешат,
Словно ждут они сына Давлета,
Ждут тебя,
Беспокойный Рафкат.

И надеждою светятся лица...
В суете пролетающих лет
Мы встречаемся
В шумной столице:
Отдал сердце ты ей или нет?

Ай-реку, словно бурная пена,
Цвет черемух окутал вокруг,
Приезжай!
Приезжай непременно,
Удивительной юности друг!

Не верю!

Наш смех сотрется в памяти едва ли,
Прогулок наших позабыть нельзя.
А как нам вслед прохожие кивали:
— Вот это настоящие друзья!

Любой из нас высказывался в споре
За пятерых — открыто, без помех.
На всех делились радости и горе.
И комнатка тесная — на всех.

Теперь об этом вспоминаешь с грустью:
Сказались, верно, юные года.
Наверно, поострее были чувства
И дружба понадежнее тогда.

Нас до сих пор не разнесло по миру.
Но на виду у прежней колен
У каждого отдельная квартира
И новости у каждого свои.

Без приглашенья не заходим в гости,
А соберемся — каждый деловит.
Теперь к нам в двери
Буднично и просто
Неделями никто не постучит.

Наверно, все заботы — крупным планом...
А может, и заботы-то не те?
А может, мы остыли слишком рано
И чувства растеряли в суете?

Не верю!
Одиночество нам чуждо,
И тесен мир устроенной среды.
Так пусть нас к площадям
Выводит дружба,
Туда, где нашей юности следы!

В сельском клубе

У клуба нынче теснота —
и в тесном зале не усесться.
Родных мелодий красота
кому угодно тронет сердце.

И в пляске — неба голубей
над девушками вьются ленты!..
И шумной стаей голубей
несутся к ним аплодисменты.

Как личный, встретив их успех,
Забыв разбойные замашки,
в ладони бьет сильнее всех
мальчишка в ситцевой рубашке.

Давно не стриженный, худой,
брючонки с живота спадают.
Зато какую же мечтой,
каким огнем глаза сияют!

Смотрю сквозь слезы на него
и вижу все, что пережито
там, в далях детства моего,
не часто евшего досыта..

Мы тоже вышли в путь вот так —
с мечтой в глазах, худы, без денег...
Ты дальше нас шагни, земляк,
не подведи нас, современник!..

Мужской день

Пусть выюги в полях хороводят —
с февральской погодой крутой
в страну нашу праздник приходит
особый, солдатский, мужской.

Заря, как всегда, розовата,
и утро как утро встает.
Но в день этот сердце солдата
возвышенно-чисто живет.

Вскипает в нем скорбная память,
надежды волнуют его.
Ему в этот день, чтоб растаять,
довольно словца одного.

Открытки хотя бы единой,
привета армейских друзей.
И ясной улыбки любимой
в тени соболиных бровей...

Ах, это такое уж дело —
солдатские наши сердца:
и мужества в них — без предела,
и нежности в них — без конца.

Глядят сыновья с обожаньем
на нас, непривычных таких.
И, значит, пора возмужанья
теперь настает и для них.

Не зная сомнений напрасных,
скажу им с открытой душой:
сыны, он и ваш, этот праздник,
особый, солдатский, мужской.

Шульган-таш

С поэтами, кому в урочный срок
Досталась неслучайной славы чаша,
Переступил я вековой порог,
Чтобы войти под своды Шульган-таша.

Мы, как паломники в чертог святой,
Вошли и слушали, как сердце бьется.
Стояли мы не в праздности пустой
Пред божеством, что Вечностью зовется.

На скальные рисунки. Сквозь века
К нам проступили точные дедали.
То пращура далекая рука
Писала нам, и мы письмо читали.

Мы думали в пещере Шульган-таш:
Способны ль мы в сердцах людских оставить
Свое письмо, как этот предок наш,
Чтобы его в грядущее отправить!

Хотя б строку!

Чтоб в точности она
Сквозь сто веков дошла до адресата,
Как эти в Шульган-таше письма,
Начертанные на скале когда-то.

Железным плугом

Вот самолет, взревев, уходит в дали.
И вновь я о дороге загрустил.
В края тепла, где снега не видали,
Своих друзей я нынче проводил.

Мы с ними лишь в последний миг простились.
Дух странствий и меня повлек, маня.
Да только ветры в полы мне вцепились
И опустили на землю меня.

«Не улетай!» — гремели гор отроги,
«Не улетай!» — шептал цветочный шквал.
Остался я.
Но синие дороги,
Друзья мои, я к вам приревновал.

Уж так мы, видно, скроены нелепо,
Причудлив нрав, как трещина в скале:
Кто на земле стоит — стремится в небо,
Кто в небе мчит — тоскует по земле.

Меня держала осень силой спелой.
Зима держала — больно холод лют.
Весна держала — очень уж на Белой
Весною сладко соловьи поют.

Не отпустили гроздь на рябине,
На Деме — косы ивы на волне...
Увидеть много можно на чужбине,
Но и не меньше в нашей стороне.

В широтах этих я шагаю лугом
И в муках слова душу ворошу.
Как будто не пером — железным плугом
Я песни на груди полей пишу.

Хочу, чтоб песнь, взойдя под ширью неба,
Была не плод холодного ума,
А словно зерна праведного хлеба,
Сердец переполняла закрома...

Таланты

Рвутся в небо тревожно десанты,
Музыканты тоскуют в ночах.
И таланты всегда — не атланты —
Держат землю на сильных плечах.

Им на лица гнетущею тенью
Ночь эпохи минувшей легла.
Но таланту ума и терпенья,
Знать, побольше природа дала.

Благодать материнских наказов
От рожденья хранит их пути.
У талантов есть твердость алмазов,
Чтоб сквозь камни и горы пройти.

На душе моей радостный праздник,
Будто мне подарили коня,
И цветеньем волнующим дразнит
Жизнь летящего степью меня.

Все таланты я чту благодарно,
Низко кланяясь речкам, лесам, —
Будто мир красотой светозарной
Их обязан счастливым глазам.

Как парус, побелевший в плаваньях,
прошедший лет водоворот,
устал и я...
Ну что ж, все правильно.
Пора покоя настает.

На жизнь и я когда-то в юности
бросался, словно на врага.
Теперь как будто больше мудрости.
Поток улегся в берега.

Мелькнет ли «Ту» подобьем дротика —
уж не порыв в груди, а грусть.
В края, где властвует экзотика,
Я юным мальчиком не рвусь

Милей мне стая лебединая,
луга простые да поля...
Вернулся я к тебе, родимая,
моя земля,
моя земля.

Мне здесь вода ручьев помощница
в беде — поранюсь лишь едва.
Мне здесь целебны стог и рощица,
Животворящие слова.

Виднее истина здесь старая:
где твой народ, там и твой дом.
Моя забота неустанная
о нем одном,
о нем одном.

Казалось, все дела отмучали,
когда вернулся ты вчера.
А небо вдруг затянет тучами,
ударят буйные ветра —

И понимаешь: есть беда еще,
и где-то прячется гроза...
И видишь: смотрят ожидающе
глаза людей в твои глаза.

Встаю среди рассвета сизого,
как не вставал уж много лет.
И песня в сердце зреет сызнова.
Покоя нет.
Покоя нет...

Слышу грустный шум
у изголовья,
Днем и ночью
много дней подряд
Белые березы Подмосковья,
Сосны подмосковные шумят.

Вы, наверно,
на любовь и слезы
Всех богаче в памяти людской,
Подмосковья белые березы,
Сосны строевые под Москвой.

Листопад. Осенние вопросы.
Только будет май
 шуметь листвою
Вашей, подмосковные березы,
Вашей хвоей,
 сосны под Москвой.

И равно делю свою любовь я
К Агидели, к берегам родным
И к березам белым
Подмосковья,
К подмосковным
соснам строевым.

Красного заката полоса,
А под ней — нахмуренные ели.
В ту годину так же здесь шумели
Древние можайские леса.

Мыслями

я все еще в былом —
Прохожу
среди разрывов минных.
На какой из троп,
лесных и зимних,
Встречусь я
с шагающим отцом?

Может, на привале

в час ночной,
У костра,
что вздрагивал во мраке, —
Грелся в ожидании атаки
Вон под той ветвистою сосной;

Валенки промокшие снимал

И сушил портянки он сырые?
«Что там делают мои родные?
Как мой сын?» —

конечно, вспоминал.

А наутро гнев и боль вогнал

Он в патронник.

Грянул вражий выстрел.

Он споткнулся,

глянул в эти выси

И под той березою упал.

Мой отец, батыр Бородина,
По твоим следам иду
сквозь годы,
Далеки солдата переходы,
И дорога — свята и длинна.

*

Где-то
 подо льдом голубоватым
Медленно течет Москва-река,
И печалью тишина чревата,
И сияют тайной облака.
Снежную слепящей белизною
На простор безбрежный
 выхожу,
По весне тоскую, но душою
Красоте зимы принадлежу.

Всем ее следам —
 людским, звериным,
Птицам, презирающим мороз.
Многому обязан
 в жизни зимам —
От веселых песен и до слез!

Слышу я жемчужные капли
И грущу по вольности степей.
Значит, в день весенний,
 сквозь метели,
Сердце устремляется к тебе.

В дачном поселке

Что бы там ни было — снова приедем,
Летом придем по прошествии лет
В край, где тропинкам запомнился Федин,
Где сохранился Фадеева след.

Снова глядят нам в глаза незабудки,
Всей полосы среднерусской краса.
Федина взгляд отразился как будто,
Словно Фадеева смотрят глаза.

Встречи, как праздники, помнятся с ними,
Редко ложились дороги сюда.
Стройными были они, молодыми,
Хоть корифеями слыли всегда.

Иней сверкает по травам духмяным,
Дремлют туманы над Сетунь-рекой,
Снова иду я по улицам ранним,
Вспомнив обоих со светлой тоской.

Не для того ли мы в прошлое едем,
Чтоб уловить современности свет?
Здесь, где тропинкам запомнился Федин,
Где сохранился Фадеева след.

Надежда и любовь

*

Четверть века,
не зная друг друга, мы жили.
Но мечту о тебе,
незнакомой,
любя,
в клубах дыма зимой, летом в мареве
пыли
Я блуждал, чтоб найти, чтоб увидеть тебя.

А пути на земле
ни узнать, ни измерить.
Если б время легло вдруг как снег
голубой —
по следам нашим
было бы можно проверить:
к месту встречи
мы двигались оба с тобой.

Сердце, —
есть ли в нем прок, если ровно биенье,
если бьется оно, не горя, не скорбя,
если нет в нем весны,
если нет в нем волненья,
если нет в нем любви,
если нет в нем тебя!

Вдали от дома

Запела птица над окном,
и сердце тут же вострепелось,
как будто на Урал вернулось,
туда,
где не бывал давно.

Еще здесь сумерки пока,
а там у нас — огней сиянье...
Встает здесь солнце с опозданием;
в душе по родине — тоска.

Тоскую я и по дымкам,
что зимним днем в ауле выются...
Коров не вижу,
что пасутся
на теплых зорях по лугам.
Здесь ночи кажутся длинней,
у нас длиннее дни —
я знаю...
Я часто дочку вспоминаю:
тоскую также и по ней.

Огромный город:
шум и звон —
здесь сотни тысяч лиц мелькают —
они меня не привлекают:
лицо любимой —
предо мной...

Думаю о тебе

Слов — океан! Как во сне,
Пел и сгорал от стыда.
Думаешь ты обо мне?
Я о тебе — всегда.

Не одиноко при луне,
Просто один — это да...
Думаешь ты обо мне?
Я о тебе — всегда.

Радуюсь — светит в окне
Напоминаньем звезда.
Думаешь ты обо мне?
Я о тебе — всегда.

Имя твоё в тишине
Я пронесу сквозь года.
Думаешь ты обо мне?
Я о тебе — всегда!

*

Пути и годы за спиной
Становятся длинней,
Но жаль — чем дольше путь земной,
Тем уже круг друзей.

Вернуть их — сила не дана,
Тех, кто прошёл, как снег,
Кто наши души и дома
Осиротил навек.

Всю жизнь ведем потерям счет —
Таков урок земной,
Но все ж не тает, а растет
Число любимых мной.

Когда уходит верный друг,
Боль сердца — все сильнее,
Но чем тесней заветный круг,
Тем каждый в нем — ценней.

Озерные песни

I

И в глазах и в душе —
свет родимой земли,
Там озера лебяжьи камышом поросли.
Там пришедшая осень листвою горит,
Лебедь лебеди вечером так говорит:
«Не забудь меня.

На закате дня
Слышу грустный шум,
не забудь меня...»

II

Улетели птицы на далекий юг.
Опустели плесы.

Тишина вокруг,
Но в душе звучат
с каждым днем сильнее
И зовут назад песни лебедей:

«Не забудь меня.

На закате дня
Слышу грустный шум,
не забудь меня...»

III

Никогда не видал
без подруг лебедей,
Но зато я встречал одиноких людей.
Я люблю, и в родимом озерном краю
С лебедями тоскую, с лебедями пою:
«Не забудь меня.
На закате дня
Слышу грустный шум,
не забудь меня...»

Твой взор

Зовут нас жизненные пути,
По ним идти еще мне да идти,
И, словно маяк, горит до сих пор
Лучистый твой взор.

Летающие дни меняют цвета,
То белый цвет, а то — чернота,
Но даже во мгле сияет в упор
Пресветлый твой взор.

И в сердце моем — цветенье весны,
И мысли мои — чисты и грустны,
Но к счастью ведет, в бескрайний простор
Призывный твой взор.

Еще впереди — как вызов судьбе
Сомнения и радости дум о тебе,
Но вечная тайна и высший укор —
Печальный твой взор.

*

Встречаться с тобой — излишне,
Увижу — пройду стороной.
Смешно робеть, как мальчишке,
Теперь-то я — иной.

Упорство мое — стальное,
Не жду, не томлюсь виной,
Не плачу, и все такое...
Теперь-то я — иной.

Минувшее без сожалений
Оставил я за спиной,
И звездных не жду мгновений.
Теперь-то я — иной.

Недавно совсем неожиданно
Ты выросла предо мной
И сердце упало. Странно...
Нет, вовсе я — не иной!

Черная лебедь

Чаще радуемся белым,
Реже — черным лебедям.
Я сравню, чтоб сердце пело,
С черной лебедью тебя.
Чернота волос — густая,
Словно ночи сентября.
Ты зовешь, во мгле не тая,
Лебедь черная моя.

Ты красива в день ненастный,
В синеве погожих дней.
Нет светлей и нет прекрасней
Черной лебеди моей.

В лунный вечер

От тебя вдалеке
 в лунный вечер
Я по лунной дороге иду.
Что волнует луну? — Не отвечу,
Ну а встречи с любимой жду.

Да, луна разбирается в чувстве,
Может мыслить и тайны хранить:
То, как взор мой, — подернется грустью,
То, смеясь, будет ярче светить

Ты увидишь ли путь мой? Ночами
Застит свет его, как кисея.
Ты печальна ли, раз я печален?
Весела ли, коль радуюсь я?

В дождь и в бурю твердить не устану:
Будни пусть твои будут светлей.
Пусть луна — я доверил ей тайну —
Верной спутницей станет твоей.

Девушке-цветоводу

Когда расцветет восток,
Ты вновь своим цветам даешь напиться.
Красавица, ты и сама цветок.
Ну кто, взглянув,
тобой не восхитится!

Как ягоды черемухи, черны
Твои глаза.

И солнце полыхнуло,
Сверкнув влюбленным взглядом с вышины,
Лишь упрям ты ресницами взмахнула.

В твоей душе — предчувствие любви,
Над нею мысли темные — невластны.
Пусть дни твои, как и цветы твои,
Всегда светлы пребудут и прекрасны.

Красавица башкирка, цвет земли,
Мне, глядя на тебя, одно лишь надо:
Чтоб холода цветов не обожгли,
Чтоб горести не погасили взгляда...

Снег сверкает белизною,
снег играет, словно ртуть.
Ты идешь, мой друг, со мною,
обновляя зимний путь.

Нет конца пушинкам снежным,
что алмазами горят..
Окрыленный взглядом нежным,
я горю, я сердцем рад.

А снежинки все ложатся
и на шапку и на шаль.
Далеко дороги мчатся
и зовут куда-то вдаль.

Говорим без слов друг с другом:
блеском глаз, пожатьем рук.
Я пойду навстречу выюгам,
если рядом — ты, мой друг!..

Буря метет. Но теплый и незлой.
Он почему-то радость навевает.
Пахнул он словно дальнею весной,
он в проводах, как птица, напевает.

Он песнями о радостной весне,
мне душу неожиданно наполнил.
Он о тебе, далекой, мне напомнил.
Напомнил ли тебе он обо мне?

Я один блуждаю ночью поздней.
Крутит снег недобрая пурга.
Но твои глаза — как будто звезды
светятся сквозь хмурые снега.

Я иду и тихо повторяю
тихие слова любви твоей.
А дороге — ни конца, ни краю,
и пустынна ширь глухих степей.

Правду мне глаза твои открыли —
ждешь меня ты так, как счастья
ждут.

Я теперь обрел такие крылья,
что любые тучи разметут.

К нам приезжай и убедись воочию —
прекрасно все в родной Уфе моей.
Когда в Уфу ты приезжаешь ночью,
тебя встречает зарево огней.

Весь город на горе. Бессильно слово,
чтоб выразить, как все здесь мило
нам!

Здесь словно все для праздника готово
и нет числа сверкающим огням.

Достойной песни в честь Уфы не
сложишь.

Кругом огни, огней не сосчитать!
Один из них — мое окно. И сможешь
его ты по сиянью угадать.

Меня слова, как искры, окружают, —
вместила будто солнце грудь моя,
и кажется, окошко отражает
тот свет, которым сам пылаю я.

Помните, после работы, уставший,
в час, когда скоро зажгутся огни,
шел я по тихой окраине нашей
и вспоминал наши юные дни?

Звезды на небе казались следами
нашей любви, что не гаснет вдали.
Здесь наши пальцы мы крепко
сплетали,
здесь на экзамен мы под руку шли.

Что же теперь мы былому не вторим?
Иль наша дружба не так уж крепка?
Мы из-за мелочи яростно спорим,
ссоримся часто из-за пустяка.

Что ж, может всякое случиться на свете,
только, хоть тысячу лет проживи, —
все же пройдешь ты по улицам этим,
как по следам нашей первой любви!

Дарю тебе майский веселый гром,
алмазы молний несущи тебе я,
шелест берез, что встали кругом,
и звонкий лепет ручья,
и звонкий лепет ручья.

В душе смешались радость и грусть.
Яблонек цвет засыпал наш дом.
И нашими тайнами я делюсь
с другом моим соловьем,
с другом моим соловьем.

Тебя,
и луга, и красу садов
навек я в памяти сберегу.
А в сердце так много теснится слов,
что высказать не могу,
высказать не могу...

Тропинка, что спускается к реке

Омытая водою дождевою,
просохшая на свежем ветерке,
виднеется поросшая травой
тропинка, что спускается к реке.

Здесь пролетело время молодое!
И в час, которого я ждал в тоске,
красавица ходила за водою
тропинкой, что спускается к реке.

Когда твои глаза мой взгляд
встречали,
ты поправляла локон на виске,
а я, вздыхая, поверял печали
тропинке, что спускается к реке.

Один бродил я со своей любовью;
теперь в душе, как на речном песке,
лишь грустный след остался
наподобье
тропинки, что спускается к реке.

Я робок был в ту молодую пору.
Иные парни здесь — рука в руке
идут с подругами по косогору
тропинкой, что спускается к реке.

Их встречи радостней моих свиданий.
Но, возвратясь из странствий вдалеке,
брожу я по следам воспоминаний
тропинкой, что спускается к реке.

К рождению дочери

Черемуха благоухала,
дожди подымали траву.
С далеких отрогов Урала
пришла телеграмма в Москву.

Два слова любви, и надежды,
и нежности: дочь родилась!
Два слова... Сильнее, чем прежде,
я с жизнью почувствовал связь,

Мне внове такие минуты.
О, знать бы — какая она?
Вдруг стал я взрослее, как будто
мне важная должность дана.

Не мог усидеть я от счастья,
не мог своих чувств удержать.
Я вышел с Москвой совещаться:
какое же имя ей дать?

«Гюзель», — мне ветвями своими
советовать клены спешат.
Светлана — хорошее имя.
А может быть, лучше — Гюльшат?

Все дышит весеннею новью,
а дочь, видно, спит в этот миг.
Стоит у ее изголовья
в борьбе завоеванный мир,
зовет ее в светлое завтра,
на праздник весенней земли.
В саду у Большого театра
на клумбах цветы расцвели.
Хочу, чтоб Отчизна узнала
о радости этого дня:
у дальних отрогов Урала
дочурка растет у меня.

Как ляжет первый снег...

Уехала уралочка
в далекий теплый край.
О чем она там думает?
Попробуй угадай!

Но вот родного почерка
стремительный разбег:
«Ты вспомни об уралочке,
как ляжет первый снег!

Здесь виноград и персики,
но видится тут мне
лесок наш за околицей
в рябиновом огне.

Тоскую я по санному
небыстрому пути.
Уже сережки инея
на сосенках, поди?

Ты глаз не пяль на девушек,
мы связаны навек!
Вернись к тебе я, миленький,
как ляжет первый снег».

Снег за окошком падает,
как белые цветы...
Уралочка, любимая,
где же ты?

Надежда

На зимнем поле — белая одежда,
вся в соболях красавица зима...
В душе моей всегда живет надежда,
светла, как снег и как любовь сама.

Желанной гостьей, первую капелью
разбудит землю юноша-апрель.
Мне сердце греет соловьиной трелью
моей надежды звонкая свирель.

Пусть трудный день приходит к изголовью,
не скроет неба груз любых забот:
я знаю — рядом с верой и любовью
моя надежда светлая живет!

Покуда сердце не устало биться,
иду я с ней — и вся земля в цвету;
лишусь ее — подстреленною птицей,
пути не кончив, рухну на лету...

«Ах, как он беден!..» — шепчутся невежды.
А мне не нужно в жизни ничего, —
не оглушайте только от надежды,
от вдохновенья, счастья моего!

Любовь

Луч играет на нашей машине,
По-осеннему зябко в тени.
На пути
От Подолья к Волини
Мы застали погожие дни.

Вон кафе,
Будто песня, — «Ялинка»,
Где задумчивый лес у окна.
Угощает нас чаем Галинка,
Словно юная елка, стройна.

Старина здесь
Сплетается с новью.
Знатоки говорили мне так:
Растревоженный поздней любовью,
Проезжал этим краем Бальзак.
Путь нам
Теми же точно следами
Одолеть из конца и в конец:
Нас любовью встречал и цветами,
Хлебом-солью встречал Кременец.

Нас красавица
Встретила смело.
Так синел ее девичий взгляд,
Словно это в глаза нам смотрело
Дружелюбное небо Карпат.

Для того и шагали мы
В дали
И сражались за эти места,
Чтобы девушки здесь расцветали,
Чтоб рождалась вокруг красота.

Так спасибо, друзья из-под Збруча,
Вам за то,
Что я здесь повидал.
Высотой с карпатские кручи
Я любовь увожу на Урал!

Нашей свадьбы как будто вчера
пелась запевочка.
Я — прежний парень, влюбленный в ветра,
ты — тихая девочка.

Пусть пролетают день или час,
хватит нам смелости.
Годы старее не сделали нас —
лишь придали зрелости.

А сзади — с девчоночьим голос юнца
перекликается...
Может, их молодость в наши сердца
переливается?

Заря сегодня в тучках нежных
совсем по-вешнему горит.
И из снегов солдат-подснежник
опять подняться норовит.

И вновь в груди теснится что-то,
и мы, хоть и у дел в плену,
идем — в какую уж по счету? —
неповторимую весну.

Зима плацдармы занимала,
час грянул — где она теперь?
В году мы знали встреч немало,
но знали и печаль потерь.

Весна — красна. Проснутся реки,
страшась беды, отступят льды.
А лучший друг ушел навеки,
покинул тесные ряды...

Что ж, тут уж правило такое —
один придет, другой уйдет...
Зима сменяется весною,
извечен дней круговорот.

Но славлю я среди их разбега
все, что есть светлого в судьбе.
И вновь цветы, что из-под снега,
несу, любимая, тебе...

Каждый год с какой-то завистью смотрю,
Как опять вперед стремятся воды вешние,
Как уносят мою новую зарю
Побыстрей еще,
Чем зори мои прежние.

Но в оттаявшей весенней вышине
Солнце светит над полями и полянами.
Уж не юность ли моя спешит ко мне,
Поднимаясь, словно утро, над туманами?

Прояснились, может быть, не небеса,
А глаза башкирской девицы-красавицы?
Окликают юность птичьи голоса,
Неужели моя юность не объявится?
С каждой зорькой над землею все теплей,
Дни мои,
 как будто ветви,
 к солнцу тянутся.

Не вернется юность,
Но в душе моей
Весны песнями о юности останутся.

Разговор с песней

Ах, песня, песня, я не сетую,
что ты обветрена смугла,
что ты, квартиру бросив светлую,
ушла, остаться не смогла.

В кабине лайнера, на пасеке,
в цехах твой синий вижу взгляд.
Порой со мной
грустишь на празднике,
где трубы медные гремят.

Давным-давно, мне душу радуя,
весной ты в грудь мою вошла.
Тогда была ты угловатой,
наивной девочкой была.

Но рано, рано ветры дунули
грозой грохочущих зарниц!..
Там о цветах тогда не думали,
там обгорали крылья птиц.

Мы засевали нивы семенем —
о, то тяжелое зерно!
Мы шли с тобою в ногу с временем,
мы ошибались, как оно.

Восточной пышностью извечною
не погрешим теперь вовек —
есть бесконечное и вечное,
простое чудо — человек.

Покрыты шрамами и ранами,
мы — на ветру, в пути с тобой.
О птицах и цветах не рано ли?
Не кончен бой,
не кончен бой!..

Ведь, если в строчках наших видятся
эпоха, люди и бой, —
на нас с тобою
не обидятся
в родимых рощах соловьи.

Слово о поэзии

В наших песнях — родниковый звон,
Пенье птиц и добрый шум лесов.
Я тобою навсегда пленен,
Край родной. Зарею обогрен
Неохватный оком лугов.

Все есть в песне: стрелы-камышы,
Реки, и поля, и города,
Свет и тени,
Добрый зов души,
Прожитые долгие года,
Дел прошедших неизбывный след,
Прошлого неугасимый свет.

В наших песнях есть и дождь, и снег,
В них летит крылатый конь — Тулпар,
В них запечатлен нелегкий век.
Мысли трудный путь,
Страстей пожар,
И колосьев тучных смутный шум,
И прозренья — плод высоких дум!

Но людские чувства непросты —
Недра их скрывают, как алмаз,
А без них — нет в песне высоты,
И сердечной высшей чистоты,
И бессмертной правды без прикрас!

Чтоб из сердца мысли высекать,
Песне нужно
молнией сверкать!

Разве может сердце быть спокойным,
Если мир клокочет как вулкан,
И пути не перекрыты войнам,
И не взнуздан грозный ураган?

Знаю, что стиху нужны цветочки,
Пьющие голубизну листы,
Майские взбухающие почки,
Полные весенней красоты,
Плохо, если строки заслонят
Главное, чем край родной богат.

Монументы в вековом молчанье,
Навсегда пред вами я в долгу,
Мой ровесник, мой однополчанин!
Я вовек пред вами не солгу,

Поэзия может быть тиха,
Но она нужнее год от года...
Боевитость! В этом суть стиха,
И его гражданственность — не мода.

Разве можешь ты спокойно спать,
Если хам позорит седину,
Если он решится оскорблять
Ветерана, что прошел войну?..

Стих мой, до конца бесстрашным будь!
Это в жизни высшее желанье.

Пусть любовь к народу полнит грудь,
С ним одним соразмеряй дыханье.
Верный сын народа своего —
Я живу заботами его!

Мое сердце

Зов страны ты слышало всегда —
В дни жестоких битв и в дни труда,
Были нипочем тебе года, —
Не менялось ты ни в чем, о сердце!

Не гроза свалила, не метель —
Ты меня швырнуло на постель.
Может, ты устало? Неужель?
Что с тобою стало, мое сердце?
Для Победы, не жалея сил,
Каждый, что положено, свершил,
Каждый чашу полную испил...
Годы наш не остудили пыл,
Это знаешь ты прекрасно, сердце!

Не жалею я о том ничуть,
Что пурга порою била в грудь, —
Мы, солдаты, тверже, чем из стали!
Некого нам, сердце, упрекнуть,
Что достался в жизни трудный путь, —
Мы путей полегче не искали.

Сердце, сердце... Как нам дальше жить,
Кто нам посоветует, как быть,
Чтобы не сказать: «Прости!» — надежде:
Может быть, с покоем нам дружить,
Не гореть, не буйствовать, как прежде?

Зря не станем мы в огонь бросаться,
Головы не вскружит похвала.
Станем треволнения бояться,
Делая неспешные дела.

Только сердце отвечает: нет!
Ждут в пути нас новые заботы,
Страсти, непочатый край работы...
Мы с тобой возьмем еще высоты,
Мы еще познаем вкус побед!

В больнице

Видно, нет предела испытаньям.
И судьба свершает произвол:
Скупое время отдает свиданьям.
Каждый миг — и горек, и тяжел.

Мнится мне, приходишь ты, как вестник
Жизни, что за стенами идет.
И в ее земных, чудесных песнях,
Полных и надежды, и забот,

Я для сердца черпаю лечение.
Милая, сама ведь знаешь ты,
Как целебно мне твое терпенье,
В нем — моя опора и спасенье
У последней жизненной черты.

Сны — надежды зыбкая основа!
В них добра ищу, тебя любя.
Проводил тебя я нынче снова —
Пусть же снова встречу я тебя.

Минута раздумья

О природа! Я тобой обижен,
В прах разбила ты мои желанья.
Гордый дух мученьями унижен,
Радости сменились на страданья.

Врач сказал:

— Нельзя на солнце греться,
В ласковое море окунаться. —
Дело скверно — никуда не деться.
А ведь море так любил я, братцы!
В баньке, грешный, помнится, любил
Изо всех попариться я сил.
И не знаю, чья уж тут вина,
Шутка шуткой, так оно случилось,
Только отказался от вина.
Как оно пришло, скажи на милость?!
...Как и жить-то дальше,
Как мне быть,
Чтоб надежды вовсе не избыть?
Не боюсь тебя, девятый вал.
На ногах стою, как прежде, твердо,
И звезду свою не потерял,
И гляжу я в будущее гордо.
Чрез «нельзя» шагну, назло судьбе, —
Говорю уверенно себе.

Радость

Подчас становится тоскливо,
Что дни проходят без следа.
Не бесконечна жизни нива,
Иссякнет вешняя вода!
Тоска пройдет моя, я знаю,
Как в полдень пасмурная тень.
Я утро новое встречаю,
И мне подарок — каждый день.
Себя ругаю: сделал мало..
Не совершил, чего хотел.
Порою оглянусь устало
В сумятице текущих дел.
Но, ветеран, я рад, конечно,
Что все еще в рядах борцов,
Что никогда не жил беспечно,
Борясь за идеал отцов.
Я радуюсь весенним всходам,
Чуждаясь радости иной.
Мой долг велик перед страной,
Мой долг велик перед народом!
Я совести не запятнаю.
Мой труд — отнюдь не для наград.
Родной Отчизне присягаю —
Безвестный Родины солдат!

И тогда, когда в жизни
Надежду терял
И беспомощным я оставался,
Когда мир весь, казалось,
Меня забывал,
И чужим мне,
И чуждым казался,

Когда сушь неумная
Губы свела, —
Так, что в жажде растрескались дикой,
Ты, любовь,
Мне живительной силой была,
Благотворной, целебной, великой.

Когда небо грозило
В немой тишине,
Собирало грозу
Надо мной в вышине, —
Тучи ты надо мной разогнала,
И, как будто живая в рассветном огне,
Ты сияющей радугой встала.

Если я возносился,
Без меры порой, —
Ты твердила о почве родной.
Коль шербет опьянял,
Безоглядно хмельной, —
Подносила полынный настой!..

Я тебе поклонюсь
У последней черты.
Ты, начавшись,
Не знаешь конца...

Вечной будь, о любовь!
Ведь несмелого ты
Превращаешь подчас в храбреца.

Я не знаю прекрасней тебя ничего!
Серебрист твой и сладостен смех...
Из красавицы —
Делаешь ты божество,
И ему поклоняться —
Не грех!

И в ночной тишине,
И в сиянии дня
Возвышаешь сердца — вновь и вновь!
Об одном я прошу:
Не покинь ты меня,
Солнце жизни —
Земная любовь!..

Дни далекие...

Как хорош январский, синий,
С ясным солнцем небосвод!
На ветвях совсем не иней —
То черемуха цветет!

Вижу, на снегу искрятся
В блеске чистом жемчуга.
...Славно в детство бы умчаться
Сквозь метельные снега!

К той избе, да печке жаркой,
Да к аулу за рекой.
Там рассвет, как юность, яркий —
До него подать рукой.

Ветры били в грудь, упруги..
Пусть бесился небосвод, —
Шел всегда я против выюги
И всегда глядел вперед!

Мне б вернуться к дням далеким,
К печке, жаркой от огня,
Да к рассветам синеоким,
Погруженным в свежесть дня.

Чтобы ветер пел весенний,
Чтобы голову мне вновь
Положила на колени
Моя прежняя любовь.

Зимы как будто вовсе нет:
сегодня так светло повсюду,
и каждый куст, подобен чуду,
стоит в лесу, полураздет.

И жизнь прекрасна, безобидна,
и на полях искрится снег.
И счастлив каждый человек,
и это счастье очевидно.

Но почему-то мне тревожно
в такой желанный зимний день,
в душе тоски нелепой тень,
и объяснить все невозможно.

И я не знаю, что со мной:
одолевают вновь сомненья;
ушло куда-то вдохновенье,
удачи ходят стороной.

Огонь любви давно погас,
знать, юность больше не вернется,
и ничего не остается,
чтоб как-то скрасить этот час...

Но светлый день вдруг позовет:
— Вставай на лыжи, не хандри,
скорей из дома выходи,
где ширь полей звенит, поет!

И вдохновение тогда
к тебе вернется непременно,
песнь зазвучит самозабвенно,
а юность с песней, как всегда!

Привал

Душа отдышаться рада!
Усталому сердцу надо
Немного передохнуть.
Но вновь вперед, сквозь преграды
Зовет меня долгий путь.
Куда приду, я не знаю.
Тропинкой тихой шагаю
В зимней снежной тиши.
Любовь твоя, точно знаю,
Спасение для души.
Нет, мне привала не надо!
Твой взгляд для меня — награда,
Под ним дышу я ровней.
Твой взгляд для меня — отрада,
И нет ничего милей.

Имя твое

Мелодия близкая, чистый мотив,
Пронзивший мое бытие...
Всегда вызывает счастья прилив
Твое имя, имя твое.

Когда я не знаю ни ночи, ни дня
И тяжело сомнение мое,
Сияет, как солнце из туч, для меня
Твое имя, имя твое!

Когда опустеет печальный мой дом
И в сердце придет забытье, —
Сверкнет надо мною горячим лучом
Твое имя, имя твое.

Давнему другу

До тебя мне подать рукой,
До тебя только час пути.
Но не видимся мы с тобой:
Повод, видите ль, не найти!

Сердце-птица, к другу лети!
Разве можно жить без тепла?
А с последней встречи, сочти,
Сколько зорь сгорело дотла...

Друг разделит мою печаль,
Друг поддержит в нелегкий час.
И полжизни отдать не жаль,
Чтобы свидеться только раз.

Влюблен я в мира красоту

С зарей переступлю порог,
Спугну природы чуткий сон.
Мой мир прекрасен и высок —
Ведь он тобою вдохновлен!

Дышу привольно на заре,
Дымится свежестью земля.
Тюльпаны в чистом серебре,
То не роса — любовь моя!

Моя любовь к тебе нежна,
Как лепестковая слеза,
Как на рассвете тишина,
Как по-над речкою лоза.

Она зовет меня в поля,
Где в полдень душный дышит зной,
Где дремлет тучная земля...
Любовь моя всегда со мной!

Пусть каждый день в краю родном
Под солнцем вспыхивает вновь,
Как камень в перстне дорогом,
Краса степей — моя любовь!

...А где-то комнату пронзит
Сирени сладкий аромат:
Подруга у окна стоит
И с грустью смотрит на закат...

Спасибо, жизнь, за все тебе!
За боль души, что я познал,
И благодарен я судьбе
За ту любовь, что испытал.

В разлуке долгой я скорблю,
Лелея думу и мечту.
В тебе — красавиц всех люблю,
Влюбленный в мира красоту!

Январь

Пора разгула затяжной зимы,
Студеных дней и непроглядной тьмы,
Мороз уральский славится не зря, —
Застыла даже, кажется, заря.
Березы спят, им грезится во сне
Апреля свет и травы по весне,

И неправдоподобна белизна,
Снегов крупнозернистых целина.
Но хоть сурова зимняя пора,
Природа справедлива и щедра:
Припудрила земли прекрасный лик,
Чтоб каждый красоту его постиг.
На сосны, что овеяла пурга,
Повесила кораллы, жемчуга.
Лишь в январе сверкать им так дано,
Что светом дивным все окрест полно!
И в прошлом январе вот так мелко...
Как будто лишь мгновение прошло.
И снова, как вчера, перехожу
Заветную незримую межу.
Дороги сказкой зимнею полны
Средь взрывчатой, как порох, тишины.
Привыкло сердце к радости и боли,
К потерям неизбывным, вольной воле,
Но вот иду в синеющем снегу
И к красоте привыкнуть не могу!..
Шагаю торопливо, одинок.
Редееет лес, тяжелый снег глубокий.
Белы поляны,
И чисты снега,
Тропинки рано
Замела пурга.
Промчалась выюга
Берегом реки...
Услышь, подруга,
Зов моей тоски!
Ее посланник —
Так сложилось встарь —
Ее избранник —
Ледяной январь.
И я, как прежде,
Говорю в мольбе,

И я в надежде
Обращусь к тебе,
К тебе взываю
На изломе дня:
«Моя родная,
Выслушай меня!
Чуть-чуть робея,
Таинством горя,
Спою тебе я
Песню января!..»

Раздумье

Со всей страной
Я победил врага.
Гнала фашистов
Огненная сила...
Я повидал Карпатские снега,
Я повидал альпийские луга,
Где смерть
Моих товарищей косила.

Под посвист пуль,
Снарядов злобный вой —
Мечтал: «Вернуться мне бы
В край родной,
Тогда б и умереть
Не страшно было...»

Конец войне!..
Вернулся я живым,
И встретила меня земля родная.
Рассеялся пожарищ горький дым
В тот день незабываемого мая!

И я сказал:
«Мне повидать бы мир,
Простор, с которым
Жизнь меня сдружила.
Вдохнуть его немеренную ширь —
Тогда б и умереть
Не страшно было...»

Потом во многих странах
Я гостил...
Куда б судьба
Меня ни заносила —
«Коль повезет в любви, —
Я говорил, —
Тогда б и умереть
Не страшно было...»

Есть ныне внуки...
Что еще желать?
Мечтаю я,
Чтоб сердце не остыло:
«Мне свадьбу золотую бы сыграть,
Тогда б и умереть
Не страшно было».

Бегущих лет
Стремилетен поток.
Дни жизни,
Словно снег на солнце, тают.
Но мне нужны высоты,
Чтобы смог
С них видеть дали
Солнечных дорог
И песни — те,
Что гибель побеждают.

Я твой, Москва, бессменный часовой!
Недаром написал горячей кровью
Свою любовь к тебе я в час лихой
Среди снегов родного Подмоскovie!

Как сердце может столько чувств вместить?
Я душу отдаю своей любимой...
Любви моей нервущаяся нить,
Любви моей венец неугасимый!

Памяти Семена Данилова

Грустинку в сердце затая,
Ведут меня воспоминанья
Через крутые расстоянья
В давно знакомые края.
Твоя земля и мне родная,
Ее душою я узнал.
Морями снежными без края
Твой край похож на наш Урал.
Спешит, шагает напрямиком
Якутия от океана
До перемерзшего Алдана,
Блестя алмазным кушаком.
О, друга моего страна,
О, край просторный и суровый!
Меня встречаешь, вечно новый,
И даль студеная ясна.
Резвее ветра мчат олени,
Тайга сурова и проста.

Слежу, как угасают тени,
Но неизменна красота
Летит со мною вдохновенье,
Взметая серебристый прах.
В душе — и память, и томленье,
Дыханье Севера — в устах.

Оленья тропа

Узкая звериная тропа,
Голубые робкие олени...
Вижу твою землю в сновиденье, —
Уж такая выпала судьба.
Вьюга мне любовь твою напела
И простор без края и конца...
Сонный снег, что тяжелей свинца,
И пурга, которой нет предела.
Чудится, что снова на охоту
Мы с тобой, хороший друг, идем.
Хорошо, спокойно нам вдвоем.
Ветер в ветках напевает что-то.
Чудится — друзья проходят рядом,
Я «салям» им тихо говорю.
Отыщу алмаз — тебе дарю.
Мы друг друга понимаем взглядом.
Край твой у меня в душе искрится...
Как народ твой, ты трудолюбив,
Скромен, неподкупен, терпелив, —
Друг мой, ты навек его частица!
Кряжистым казался ты мне кедром,
Что на тыщу лет в наш мир пришел.
Был ты на любовь и дружбу щедрым,
Гордым и могучим, как орел.

А теперь приходишь в сновиденьях,
Друг души, мой незабвенный брат.
Мчусь к тебе на трепетных оленях,
Погружаясь в розовый закат...

Тебя мы ждали...

Агидель моя мечтала
Встретить друга у вокзала,
Приоделись тополя.
Утро встречу обещало,
И ковром легла земля,
Ведь она тебя встречала!
Друг, ждало тебя раздолье
Рек, лесов, полей, полян,
Щедросердое застолье,
Добрый мой Башкортостан.
Вдруг, как коршун, весть упала,
И померк простор полей:
Так любившее людей,
Сердце биться перестало.

Слово прощания

Тень над душой моей прошла,
Но с жизнью не порвала связь.
Под взмахом черного крыла
Прощанья песня родилась.
Я ждал вестей.

Прошли дожди,
Прошив и тень, и ночи тьму,
И сердце мучилось в груди,
Не понимая почему.
И облака, беды темней,
Глядели на осенний дол.
Я друга ждал немало дней,
А он уж больше не пришел.
О, я б дыханием своим
Заставил таять мерзлоту,
Нежданный прочь развеял дым,
Надеждой полня пустоту.
Остался ты в моих стихах,
В них жизнь, Семён, тебе дана,
Тебе — зари якутской флаг,
Вилюя полная волна,
Тебе — олонхо чистый звук,
Омытый трепетным дождем.
Ты жив — я слышу сердца стук:
Он в слове искреннем твоём.

Память

Когда спутницей верной нам юность была,
Мы на лыжах ходили вдвоем.
И дорога неторная будто звала
Нас в тайгу — твой покинутый дом.

Помню речку Синэ — край дремучей тиши,
Наст, что хрупок и чист, как хрусталь,
Птичью стаю на озере, и камыши,
И ничем не смятенную даль.

Снег над тундрой парил, снег на лица летел,
Укрывалась теплее земля.
Чайки в небо взмывали, и был полдень бел,
И резвились, хитря, соболя.

Ночи белые трепетным светом горды,
Что над тихою тундрой плывет.
Взгляд якутки прекрасной — сиянье звезды,
Что над краем полярным встает.

Ах, как искры летят из-под звонких копыт!
Знаешь, друг, с той далекой поры
И поныне мне чудится, в битву летит
С гривой бешеной конь Манчары.

В родной стороне

В родной стороне

Когда заест тоска иль суета,
когда окликнет дальний стук колес,
я возвращаюсь в Чекмагуш тогда, —
на землю, где родился я и рос.

Там нет урочищ, горной высоты.
Лишь ширь степей, поля и небосвод.
У них своей хватает красоты.
Так наша юность без прикрас живет.

Та красота неброска: тополя,
под ними нежно плещется База,
богата сладкой ягодой земля,
вода чиста в колодцах, как слеза.

В просторах ветер, словно звук струны.
Луга, куда меня водила мать.
И женщины красивые скромны.
Мы их не зря стеснялись обнимать.

И звезды там мне кажутся крупней.
И вздох полей в час пахоты могуч.
Земля трудолюбивых сыновей,
земля чистосердечных — Чекмагуш.

Здесь скромность — суть, а не случайный дар.
Ты тот, кто есть. Для всех закон один.
И я всего здесь только Гилемдар,
а проще — Зигандара старший сын.

Я не воздал тебе, мой край, сполна.
И справедливым будет твой упрек,
что маловато иногда зерна
в снопах моих рифмующихся строк.

И, как должник, клянусь вам, земляки:
куда б судьба ни занесла меня, —
о вас спою, хотя вы далеки
и у чужого я сижу огня.

Я мысленно вернусь к своим следам,
что уводили в Чекмагуш не раз.
И первым делом суюнче¹ отдам
в обмен на радостную весть о вас.

Соловьи

Бывало — приду я к волнам Агидели,
и вмиг улетали все беды мои,
когда над моей головою пели
наши отчаянные соловьи.

Певец, он на шелесты ив отзовется,
и чувства достойны вниманья певца —
пока его сердце не разорвется,
он разрывает наши сердца...

Но лучшую арию в звонких раскатах
поет он любви, — да, только лишь ей!
Среди всех прочих солистов пернатых
он — единственный, соловей.

¹ С у ю н ч е — подарок тому, кто доставит радостную весть.

Поэты — мы все же народ не бесплотный,
мы тоже мечту свою ниточкой вьем:
«О, было бы счастьем, когда бы народ мой
назвал и меня своим соловьем!..»

Есть птицы такие — подай ты им просо,
есть птицы — ты небо им дай без границ.
О, знаю: совсем не легко и не просто
прослыть соловьем у людей и у птиц!

Но только пускай наши очи не меркнут,
наш мир беспредельно высок и широк:
в нем место находят и кенарь, и беркут,
и стриж, и малиновка, и голубок.

Мы в общем строю — и бессильны печали,
нужны наши песни — твои и мои!
И, если не все соловьями мы стали —
то мы из краев, где живут соловьи...

Вершины

Хуте Берулава

Есть у тебя Казбек искристый,
и Ямантау — у меня,
им жизни посвящали альпинисты
из года в год,
день ото дня.

И для меня земля твоя богата,
как родина моя, она щедра, —
не горы, нет,
а чувства брата
меня зовут опять к тебе сюда.

Нужны горам,
долинам наши песни —
нам боль людей бы выразить в словах —
здесь, на земле, гораздо интересней,
чем где-то там
в заоблачных мирах.

И, может быть,
нас не заметит слава,
но и тогда,
сквозь горечь всех годин,
была бы дружба только величава,
как высочайшая
из всех вершин.

Край орлиный

Я смотрелся в твое поднебесье,
И ума набираясь, и сил.
Край орлиный!
Ты все мои песни
Чистотой и мечтой окрылил.

Мир пьянил тебя многообразием,
Крылья звали тебя на простор:
И одно ты раскинул над Азией,
Над Европой — другое простер.

Вдаль стада твои шествуют важно,
Хлеб — в амбарах,
А вон, в забыти,
Машут, словно бы крылья лебяжьи,
Нефтяные качалки твои.

Привкус меда в воде твоей синей.
И недаром поверхность озер,
Точно светлые очи России,
Отражает манящий простор.

Восхищаюсь я щедрым богатством,
Ароматом цветов луговых
И заветным сокровищем — братством
Равноправных народов твоих!

Над моим родимым краем
Вешняя заря встает,
И под нею с замираньем
Песня в сердце оживет.

Я не знаю, рано ль, поздно —
Песнь является на свет
О любви.

Дрожит в ней отзвук
Всех суровых, грозных лет.

Да, суровых, но и близких,
Вот они, лишь память тронь:
то — цветы, то — обелиски,
То — неистовый огонь.

Но и в пламени багряном
Песни жизни не умрут.
Потому над отчим краем
Зори вешние встают!

Мост на Урал-реке¹

День и ночь поток прозрачный
Песней спорит с тишиной,
А над ним — такой невзрачный
Мостик в шесть шагов длиной.

Без дорог и автостопа,
К дальним странствиям готов,
Путь из Азии в Европу
Одолеl за шесть шагов.

Предзакатно разукрашен
Небосклон. Бежит река.
Долетает запах пашен,
Хлеба, стали, молока.

Вот из Азии в Европу
Тихо стадо побрело.
Континента два, а тропы
Здесь, у мостика, светло.

И моя живая песня,
Бьется, что Урал-река,
Я, как мост, сводил бы вместе
Души, страны и века.

¹ Река Урал, разделяющая Европу и Азию, берет начало в горах Башкирии.

Эх, пойду на сабантуй

Эх, пойду на сабантуй,
На весенний праздник плуга,
Ну-ка, сердце, вновь бунтуй
На виду родного луга.

Эх, пойду на сабантуй,
Где байга бушует — скачки,
Где заслужит поцелуй
Всадник у любой гордячки.

Эх, пойду на сабантуй —
В песни, радостные речи,
Может, вдруг из шумных струй
Юность выплывет навстречу.

Скажет: где ж ты пропадал,
Скакунов сменив немало?
Вот, джигит, каким ты стал —
Еле я тебя узнала.

Эх, пойду на сабантуй,
Не могу я жить иначе,
Ну-ка, сердце, не тоскуй,
Даже если я заплачу!

На полях родных

Было горе, и заботы были...
А от них спасение одно:
вновь поля родные разбудили
песню, задремавшую давно.

Мне поля шептали, укоряя:
— Ну чего искать тебе, скажи?
Нашу прелесть и тоску курая¹
ты возьми и в песню положи!

Славно, если смог свою усталость
словно ношу с другом поделить.
Я уехал. А душа осталась
там, в полях, которым вечно жить.

Подарок

Сабиту Муканову

Я тоже гость на шумном тое,
я вез к тебе на торжество,
быть может, самое большое —
любовь народа моего.

Когда дни осени настали
и собираться в путь я стал,

¹ Кур ай — национальный музыкальный инструмент, тростниковая свирель.

в моем родном Башкортостане
сошлись тогда и стар, и мал.
Тебя за ум, за труд огромный
почтить просили старики.
Всего один подарок скромный
с собой мне дали земляки.
Подарок прост. Кубышка меда.
Но ощутишь в том меде ты
и уважение народа,
и агидельские цветы.
И гулкий шум потоков горных,
и синий блеск уральских звезд,
и пыл башкирских песен гордых...
Ты видишь? Мой подарок прост.

На рассвете смотрю я на небо,
мне забота одна дорога:
хороши ль для грядущего хлеба,
глубоки ль будут нынче снега?

Я в амбарах на глаз проверяю
вероятную всхожесть семян;
и вестей из села поджидаю
я, ведущий свой род от крестьян

Мне знакомы нефтяников лица,
я входил к инженерам в жилье,
но на нивы, где встанет пшеница,
возвращается сердце мое.

Корни сердца поэта от века
не отнять от родимой земли —
встанет озимь весной из-под снега,
к людям песни пробьются мои.

Не вельможа какой-нибудь древний,
одного бы я только желал, —
чтоб земляк мой, колхозник, сказал:
— Это парень из нашей деревни
песни эти для нас написал!..

Проводите меня, березы

Проводите меня,
Березы,
Вскиньте ветви
Ветру навстречу.
Были крепкими нынче
Морозы,
Солнце землю
Лечит.
Лечит душу мою
Дорога,
Что река, уходящая
В дали.
Вы меня
От родного порога
Сколько лет, сколько зим
Провожали.
Что же нынче, в порыве
Весны,
Вы меня
Не припомнили даже?

Вы в тревожные
Светлые сны
Приходили ко мне
Не однажды.
Это я, вы признайте
Во мне
Из аула мальчишку
С рогаткой.
Это я, на лихом
Скакуне,
Отличался и статью,
И хваткой.

Это я уходил
На войну,
Возвращался по этой
Дороге.
Я не ставлю забвенье
В вину.
Но вернуться случилось
Немногим,
Среди них
Искалеченный я.
Ваши песни
В окопах я слышал
Проводите, родные,
Меня.
Это я —
Поседевший мальчишка.

Поэмы

Три горсти земли

Моим ровесникам посвящаю

Вступление

Мне знакомы степь и небо это,
Я своим местам родимым рад,
Где по-над рекой в начале лета
Сабантуи весело гремят.

В конских гривах
Ленты, как восходы,
Ярко пламенеют, что ни миг.
То ли кони это,
То ли годы
Мчатся через время напрямик.

Здесь и я
Кипел когда-то лихо
У всего народа на виду.
А теперь, как гость,
Довольно тихо
Я в краю родном себя веду.

Подхожу я к соснам и березам,
По-сыновьи голову склоня.
И в жару, и в лютые морозы
Помнили деревья про меня.
Отчий край!
Навек тобой согретый,

Я, лелея давние мечты,
Пел бы твои ясные рассветы
Да твои прекрасные цветы.

Но меня сквозь дни и расстоянья
Манят, что-то главное тая,
Земляки мои простого званья —
Дочери твои и сыновья.

К летнему спешу я поднебесью,
В мир спешу,
Где над речной водой
Ликовал когда-то мой ровесник —
Человек теперь немолодой.

Головой качает он устало:
Дескать, жизнь,
Как ветер, пронеслась.
И в былом, и в нынешнем немало
Общего находится у нас.

Мой ровесник на судьбу не ропщет:
Разве, мол, была она скупа?
Глянешь раз — вполне обычна, в общем...
Глянешь снова — редкая судьба!

Вновь иду я стороной родною,
Сабантуй пьянит меня слегка.
Древо жизни...
Вновь передо мною
Шелестят два-три его листка.

Хоть нетерпением и полон мир,
 Простилось сердце матери с печалью:
 Друг ранней юности моей — Тагир
 Вернулся в наш аул из Зауралья.

В войсках Бабаджаняна он, солдат,
 Прошел войну и праведно и честно.
 Я знал:
 Мой друг в минувшем делегат
 Двух высших форумов — партийных съездов.

Видать, природа-мать в родном краю
 Его всегда держала на примете:
 Возьмет тальянку — вспомнишь жизнь свою,
 Возьмет курай — забудешь все на свете.

Передо мной прошла вся жизнь его,
 И я знаком с его подругой нежной.
 (Зейнаб, Зейнаб, ты помнишь волшебство
 Поры далекой, соловьиной, вешней?)

По жизни мы идем одной тропой,
 А прошлое — как ветер за спиною.
 И я с Тагиром схож своей судьбой,
 Как схож судьбой ровесник мой со мною.

...Вот «Волга» подкатила.
 И тотчас
 И стар и млад машину обступили.
 А мать не прячет повлажневших глаз
 И за спиною ощущает крылья.

Что материнской выдержке под стать?
Откуда в хрупком теле столько силы?
Ведь двух солдат стране взрастила мать,
Двух дочерей-красавиц подарила.

У матери для встречи стол накрыт,
За огородом банька наготове.
А мать — она то счастлива на вид,
То загрустит, печально хмуря брови.

Затапливая печку в тишине,
Все горбится, и слезы в горле комом:
И муж, и сын остались на войне,
А все другие — вдалеке от дома.

Напоминая об иной поре,
Когда был дом наполнен голосами,
Три стройные березы во дворе
Шумят, шумят под окнами ветвями.

Тагир, как это в детстве повелось,
С утра в поля торопится из дома,
Проходит он среди жемчужных рос
И входит в лес, до веточки знакомый.

Когда-то он косил вот этот луг,
На луг другой водил коней в ночное.
А сколько ягод собирал вокруг
Совсем недавно он по-над горою...

Лес для Тагира — как сама судьба.
С ним, с лесом, только дом родной сравнится...
Тут пролегла лосиная тропа,
Там пробежала хитрая лисица.

Тагир и нынче песнь ручья поймет,
Потянется рукой к кусту любому...
Он меньше суток прогостил — и вот
Настало время уезжать из дома.

Мать собрала гостинцы в узелок:
И мед пахучий, и другие сласти.
Когда б весь край забрать с собою мог,
Сын и его бы получил на счастье...

Чтоб помнился родной очаг вдали,
Чтоб душу согревал незримым жаром,
Увозит сын три горсточки земли
В трех ларчиках, как три священных дара.

Мой друг,
Он выбрал необычный путь:
Оглядываясь на былые годы,
Он в прошлое свое решил шагнуть,
Чтоб молодость над ним простерла своды.

II

Тагир,
Средь множества дорог,
Нет ничего для нас знакомей:
Над светлой Дёмой городок
И лодка легкая на Дёме.

И пряди ив над гладью вод.
И те мечты, что — как листочки,
Прорвать готовые вот-вот
На тополях тугие почки...

Ты помнишь, друг мой, те мечты?
Мне не забыть
Твой шарф пуховый..
Вон томик Лермонтова ты
За пазуху упрягал снова.

Вон ты на весла приналег —
И двинулись вперед мы ходко.
И мне, признаться, невдомек,
Что лодка гонится за лодкой.

Что как бы состязанье тут:
Ведь в самой первой лодке смело
Вперед, как лебеди, плывут
Шесть девушек в нарядах белых.

Блестят их взоры, горячи,
И глубина в глазах таится.
Подрагивают, как лучи,
Красавиц черные ресницы.

А Дема вьет к струе струю.
Одна из тех красавиц белых —
В каком она росла краю?
В каком ауле хорошела?

Сулпан¹, я помню, иногда
По-русски называли Верой.
Джигитам девушка-звезда
Сияла утренней Венерой.

¹ Сулпан — утренняя звезда.

Она и волновала нас,
И за собой влекла куда-то.
Ее увидишь только раз —
До смерти будешь помнить свято.

Тагир,
Мне вспомнилось сейчас,
Как с шумными друзьями вместе
Ты в педучилище не раз
Пел под свою тальянку песни.

Наш хор казался нам судьбой
И самым важным в жизни делом,
Пока Сулпан на нас с тобой
Глазами синими глядела.

Благодарю былые дни
За трепетное состоянье.
О, первая любовь!
Они
Так сладостны — твои страдания!

И я, Тагир, забыв про сон,
Везде ходил с тобою рядом.
И я, как ты, был покорен
Тем чистым и глубоким взглядом.

Волнение чувствуя в крови,
С тобою, друг,
Мы оба вскоре
Нырнули в океан любви,
Не повидав еще и моря.

Две наши койки — у окна.
Взволнованы необычайно,
Мы в общежитье допоздна
Шептались о сердечных тайнах.

Я, помню, засыпал с трудом,
Наговорившись до предела.
И снилась мне Сулпан потом —
В берете алом, в платье белом.

Упруги косы и длинные,
Стройней ее найдешь едва ли.
Ни сабантуя, ни весны
Мы без Сулпан не представляли.

Тогда мы все до одного
О ней лишь думали,
И все же
Сулпан старалась никого
Вниманием не обнадежить.

Страдали многие вокруг.
Но, не жалея их нисколько,
Тебя, Тагир, тебя, мой друг,
Сулпан, я знаю, выделяла.

Мир таинств — молодости мир.
Всего улича джигиты
Тебе, мой друг, тебе, Тагир,
Завидовали открыто.

Я тоже не был в стороне..
И думал так, могу признаться:
«Или Тагиру, или мне
На этом свете оставаться!»

Потом решил, лишаясь зла:
«Забыть ее навеки нужно!»
Так над любовью верх взяла
Мужская истинная дружба.

Чтобы людям рассказать об этом,
 Нужен твой талант, певец Боян!¹
 Знаю, есть под Белгородом где-то
 Тихий центр районный — Обоянь.

...Танк грохочет по земле унылой,
 Выжженной огнем до бугорка.
 Здесь, под Обоянью, проходила
 Южным краем Курская дуга.

Сверстник мой, Тагир,
 Давно ль птенцами
 Из гнезда стремились мы в полет?
 Нашу юность напрочь выжгло пламя —
 Мы уже воюем третий год.

Было трудно в этот срок тревожный.
 Мы семь раз вставали из могил.
 ...Защищает Белгород надежно
 Лейтенант-танкист, мой друг Тагир.

Он устал, он смотрит зло и хмуро —
 Всю неделю длится этот ад.
 Здесь Урал поднялся против Рура —
 Оба мира насмерть здесь стоят.

И в Тагире нет к врагу пощады —
 Гнев и месть кипят в нем все лютей.
 От Сулпан письмо из Сталинграда
 В гимнастерке носит он своей.

¹ Б о я н — легендарный поэт, сказитель Древней Руси, прославивший русских воинов.

Носит снимок, что давно был сделан
Летним днем, в далекий мирный год:
Девушка, как лебедь, в платье белом
В легкой лодке Демою плывет.

И Тагир стоит — назад ни шагу.
Позади Тагира —
Обоянь.

Чтоб воспеть солдатскую отвагу,
Твой талант мне нужен, о Боян!

Зной июльский, жар невыносимый.
Трижды жарче за стальной броней.
Друг идет в огонь за край родимый,
За Сулпан, за дом далекий свой.

До десятка в день атак отбито,
И в затишье, в предвечерний час
От Сулпан — чтоб не было забыто! —
Он письмо прочел в который раз:

«Мой любимый, между нами встали
Дым и пламя, разлучая нас.
С девушками из Башкортостана
В городе на Волге я сейчас.

...Может быть, не встретимся мы снова,
Но среди свинцового огня
Пусть к тебе мое домчится слово,
Чтобы ты услышать смог меня:

Что бы ни случилось, помнить надо,
Что не замок любовь и не капкан.
Для дальнейшей жизни не преграда —
Клятвы те, что ты давал Сулпан...»

Поседали нивы.
Над землею
Алой кровью выкрашен закат.
Омешана Березовка с золою —
Насмерть наши воины стоят.

Сверстники мои, орлы Урала...
Как в те дни враги боялись их!
Сколько их в сражениях сгорало
Факелом живым
В последний миг!

Враг был ярым после Сталинграда,
А земля от крови все красней.
Словно бы семью кругами ада
Стали эти семь ночей и дней.

Говорю танкисту-лейтенанту:
— Ты не зря был опален огнем:
«Тигров» — шесть да восемь — «фердинандов» —
За неделю на счету твоём.

...День восьмой.
Прошел он, несчастливый,
Неужели рядом смертный час?
Танк твой, конь твой с пламенной гривой,
Оказался сам в кольце сейчас.

Танк горит,
И, задержав дыхание,
Чтобы вновь не застонать от мук,
Говорит радист Иван:
— Я ранен,
Брось меня, один спасайся, друг...

...Но Тагир, ни слова не ответив,
С ним ползет во ржи — к своей судьбе:
Только три патрона в пистолете,
Два из них — Ивану и себе.

Он ползет и не зовет подмогу.
Нить надежды — тоньше волоска.
Есть ли на земле страшной дорога —
Той, где жизнь со смертью так близка?

Грезятся слова Сулпан Тагиру:
«Помнишь юность? Отчие края?
Преступленье — уходить из мира,
Пока живы мы — любовь и я.

Может быть, не встретимся мы снова,
Но среди свинцового огня
Пусть к тебе мое домчится слово,
Чтобы ты услышать смог меня...»

IV

Лето торжествует, лето длится,
Радостью душа моя полна:
После Курска
К западной границе
Повернула, наконец, война.

Август, август, песнями воспетый,
Шел с победным маршем на устах.
Украина дарит нам букеты —
В них дрожат слезинки на цветах.

Друг мой, как батыр, в походе снова.
Но пришла осенняя пора —
И тулпара напоил стального
Он водой из древнего Днепра.

Восхищался Киевом прекрасным,
Каждой веткой, башенкой любой.
Голову склонил перед Тарасом:
Мол, свободен край былинный твой.

...Сколько песен о Днестре и Висле
Можно спеть, припомнив те бои!
Но печальны у Тагира мысли,
И тоскует он, друзья мои.

Наступленья. Будни боевые.
Но за год —
Ни строчки от Сулпан.
Как забудешь очи голубые
Да в лугах над Дёмою туман?..

Он писал, но почта все молчала,
А потом пришел ответ такой,
Что его любимая пропала
Без вести минувшею весной.

Тяжкая судьба — судьба солдата.
Как за ним охотится беда!
Разве может человек куда-то
Вдруг уйти из мира без следа?

За спиной Тагира — Днестр, Карпаты,
Но ему все кажется:
Вот-вот —
И Сулпан из бездн войны проклятой
Неожиданно к нему шагнет.

Как-то в Польше всей душою замер:
Возле соловьиной Вислы
Он
Вдруг башкирку с синими глазами
Увидал, взволнован и смятен.

В центре перекрестка, где солдаты
Проходили городом чужим,
Там регулировщица крылато
Путь флажком указывала им.

И Тагир поверил на мгновенье —
Так была та девушка стройна, —
Что пред ним — Сулпан,
Но, к сожаленью,
Это оказалась не она...

И повсюду, там, где шла дорога
День и ночь в пороховом дыму,
На Сулпан похожих было много,
Но Сулпан не встретила ему.

Видел он камней берлинских груды,
Зарево победное огней.
Друг искал любовь свою повсюду —
Он всю жизнь готов отдать был ей.

...Напоив коней из Эльбы,
Едут
Воины на Родину свою.
Друг мой на параде в честь Победы
Шел по Красной площади в строю.

По сынам истосковалась Дёма,
Ждал их край родимый столько лет!
Много девушек красивых дома,
Только на Сулпан похожих нет.

И Тагир обшарил полпланеты,
Он искал ее ни день, ни год.
Все казалось: незабытым светом
Взгляд Сулпан вот-вот его ожжет.

Он проехал по дорогам ратным,
Всю Европу он сумел пройти.
И любовь, казалось, где-то рядом,
Только шаг — и встретится в пути.

Груз тех лет — нелегких лет — едва ли
Выдержать сумел бы и металл.
Но Тагир был, видно, крепче стали,
Он везде любовь свою искал.

Горы б сдвинул он одной рукою,
Только в сердце боль, на самом дне:
Не пришла любовь его из боя,
Без вести пропала на войне..
Разве можно позабыть такое
Даже в нашей мирной тишине?..

V

Летят года — за годом год —
Над нами неизменно.
Иная молодость идет
Теперь уж нам на смену.

Тагир, окончив институт,
Вернулся в край родимый.
Он стал учительствовать тут,
Где детство проходило.

Мой друг с колхозом вместе рос,
С рожденья всем знакомый.
И вот избрал его колхоз
Секретарем парткома.

Он мог бы завести семью, —
Все сверстники женаты.
Но ждал Тагир Сулпан свою,
Как на войне когда-то.

За тридцать шли его года,
Когда он зажил домом
С Зейнаб —
Она была тогда
В колхозе агрономом.

И синеглаза, и стройна,
И на Сулпан похожа,
Она, как юность, как весна,
Пришла, его встревожив.

Сулпан не изменил он, нет,
Он был всегда ей верным.
Он просто выполнил завет —
Завет любви бессмертной.

Сулпан была его мечтой,
В ней жажда жизни билась.
Казалось, младшею сестрой
Зейнаб ей приходилась.

Зейнаб, Тагир — житья-бытья
Мне не встречалось краше.
Есть дочь и сын —
Без них семья
Была б не полной чашей.

Встал за Сакмарою их дом, —
Там, за речною далью:
Райкомовским секретарем
Стал друг мой в Зауралье.

Встречает он свой юбилей —
Полвека за плечами.
Вглядись-ка, друг, в исток путей,
Что пролегли за нами.

И, взяв три ларчика с землей,
Помедлив у порога,
В дорогу друг выходит мой,
И в юность та дорога.

И понимаю друга я,
И не случайно это —
Дорога дальняя моя
С его слилась в то лето.

Туда, где Дёма, а над ней
Тот городок желанный,
Идем, Тагир, идем скорей
В долины Чермасана.

И тот же в Дёме шепот вод,
И мы все ждем несмело:
Вдруг в легкой лодке промелькнет
Сулпан, как лебедь белый...

Возьмем три ларчика с землей,
Помедлим у порога.
В дорогу вышли мы, друг мой,
И в юность та дорога!

Снега на волжских берегах
Пушисты и пространны.
Да вот не спится и в снегах
Мамаеву кургану.

Ни зги ночами не видать.
Но на кургане этом
Стоит она —
Солдатка-мать —
И землю полнит светом.

Солдат стоит здесь, как скала,
И кажется порою,
Что в глубь земли скала выросла,
Поднявшая героя.

Солдату все знакомо здесь
До камешка, до пяди.
Курган он этот знает весь —
Он дрался в Сталинграде.

Идут снега.
И день-деньской
Сюда, к святыне этой
Идет сплошной поток людской
Со всех концов планеты.

И я по лестнице прямой
Иду, забыв про отдых.
И поднимается со мной
Тагир, мой одноклассник.

Седого снега пелена
От нас сокрыть стремится
На стылом камне имена,
И рядом — лица, лица...

Идут снега, снега идут,
Беля года порошей,
Но памяти не заметут
Они о нашем прошлом.

Мы помним:
Тридцать лет назад,
В ту осень, внемля долгу,
Башкортостан своих девчат
Прислал сюда, на Волгу.

Он юность отдавал свою —
Тех ласточек, что пели
Над Дёмою в моем краю,
У нежной Агидели.

На плечи хрупкие потом
Приняв войны громаду,
Они прикрыли, как щитом,
Все небо Сталинграда.

...Как будто светится курган,
И, поднимаясь выше,
Сердцебиение Сулпан
Я где-то рядом слышу.

И эхо гаснет вдалеке...
Все это — память наша.
Пред нами — в мраморной руке
С огнем священным чаша.

Как будто бы Султан для нас
Взметнула факел алый.
Не можем слез сдержать сейчас
Мы — сыновья Урала.

Мы горсть своей родной земли
На землю сыплем эту,
Чтоб слиться две земли смогли,
Одной судьбой согреты.

...Снега на волжских берегах
Пушисты и пространны.
Да вот не спится и в снегах
Мамаеву кургану...

VII

Муза беспокойная! И вновь я
Слышу зов твой в утреннюю рань.
Едет мой товарищ в Обоянь —
В край, который полит жаркой кровью.

Может, где-то есть на белом свете
Уголки, где побывать ты рад,

Но таких, как здесь, нигде не встретить:
Яблоневым цветом дышит ветер,
Кружит над землею наугад.

И нигде в других краях, пожалуй,
Не найти другой такой весны:
Красоты особой, небывалой,
Несказанной, нежной белизны.

Только словно
Грустью чуть задеты
Крылья к небу вскинутых ветвей:
Наша юность, помню, землю эту
Щедро кровью полила своей.

...В Белгород Тагир приехал в мае.
Город, что когда-то стыл в золе,
Красовался, этажи вздымая,
На ожившей заново земле.

Молодость, возьми с собой солдата,
Поведи, как много лет назад.
Здесь вот, под Березовкой, когда-то
Смерть встречал лицом к лицу солдат.

Здесь вот — весь твой путь с радистом Ваней,
Путь, что кровью мечен был, Тагир.
Что ж не смог ты здесь, под Обоянью,
Слез сдержать, товарищ командир?

И, в дорогу вглядываясь зорко,
Что же вдруг как вкопанный ты встал:
Не твоя ли там «тридцатьчетверка»
Поднялась, Тагир, на пьедестал?

И, как будто памятью сквозь время
Над могилой братской вознесен,
Твой радист
Стоит в танкистском шлеме...
Присмотрись внимательнее — он!

Все ему, как прежде, девятнадцать —
Оренбуржцу, павшему в бою.
Нам теперь вовеки не расстаться —
Он вошел и в жизнь, и в песнь мою.

Память, память, власть твоя безмерна.
Трогая ладонью пьедестал,
Думает Тагир:
Остался ль верным
Клятвам тем, что раньше здесь давал?

Нынче звезды покрупнее светят
На его погонах.
Все равно
Пред священным памятником этим
Рядовыми быть нам суждено.

Обояни тихое приволье.
Голубеет вечер в вышине.
Горсть земли Тагир бросает в поле,
Где горел он некогда в огне.

Пусть одна земля с другой сроднится —
Та, где дом, и та, где шли бои.
Словно сердца равные частицы,
Стали эти две земли твои.

VIII

Вдаль и вдаль над нами без возврата
Мчат года — лихие скакуны.
Миру неизвестные солдаты
Скорбно в шар земной погребены.

Спит один под аркой Триумфальной,
А над ним — парижские ветра.
А другого в тишине печальной
Принял берег древнего Днепра.

Некто спит, укутанный туманом,
Возле Темзы, в Лондоне сыром.
Кто-то спит за синим океаном,
В Вашингтоне, там, где Белый дом.

А вот тут с особою любовью
Застываем мы и вся страна:
Спит солдат-герой,
За изголовьем
Высится Кремлевская стена.

Он из всех солдат нам близкий самый,
Самый незабвенный и родной.
Надмогильный темно-красный мрамор
Весь в цветах и летом, и зимой.

И ночами, вечностью объаты,
Через океаны и моря
Делятся раздумьями солдаты,
Вслух о самом главном говоря.

Первый голос:

— Я сейчас жалею,
Что сражался в давнем том бою.
Ради чьей — не нужной мне! — идеи,
Отдал я так просто жизнь свою?

Новый голос:

— Честно я признаюсь,
Я сейчас душою не кривлю:
Знаю, отчего погиб я,
Каюсь,
У людей прощения молю...

Третий голос:

— Рад я,
Смолкли войны,
Всюду всходит мирная заря.
Значит, спать могу теперь спокойно,
Значит, я погиб тогда не зря...

...Вот стена Кремлевская.

С Тагиром

Мы подходим к ней, не торопясь.

Тяжелеют ноги, словно гири

Оказались на ногах сейчас.

Друг глядит на алые букеты,

На дрожанье вечного огня.

— Нет, солдат,

Тут неизвестных нету —

Мы с тобою кровная родня.

Нету для меня судьбы дороже,
Для меня живым ты был всегда.
На тебя любовь моя похожа —
Я не смог ее спасти тогда.

Мной Сулпан забудется едва ли.
И она, как светлая мечта,
Манит сердце к незнакомым далям,
Ввысь зовет, прекрасна и чиста.

К мирному давно привык труду я,
Но солдат — я был крещен войной —
К изголовью твоему кладу я
Горсточку земли своей родной.

И пускай над нами без возврата
Мчат года — лихие скакуны,
Все мы нашей Родины солдаты,
Делать дело общее должны.

У родного дома — три березы.
Три березы видят круглый год,
Как стрелою сквозь снега и грозы
Жизнь летит безудержно вперед.

Помнишь ли, читатель,
Как, отметив
Полувековой свой юбилей,
В путь Тагир собрался на рассвете
И под шелест трех березок этих
Три пригоршни взял земли своей?

Три пригоршни,
Ближих бесконечно,
В трех местах оставил сверстник мой.
И теперь все три земли навечно
Стали для него родной землей.

Горсть одна —
Как много она значит,
Клятву для Сулпан в себе тая.
Горсть вторая —
Юности горячей:
Пусть о прошлом помнят сыновья.

Третья горсть —
Она, как память, свято
Будет жить в грядущий год и час,
Ведь от Неизвестного солдата
Столько в каждом сыщется из нас.

Не жалею,
Что пригоршней стылой
Стать однажды доведется нам.
Лишь бы знать,
Что жизненные силы
Отдали мы будущим росткам.

Две реки

*Посвящается советским воинам—
уроженцам Башкирии и чехосло-
вацким патриотам, сражавшимся
в партизанской бригаде имени Яна
Жижки, действовавшей в 1944—
1945 годах на территории Чехо-
словакии*

Две реки есть в Европе:

Одна

За Карпатами песни мне пела,

Намывала другая со дна

Искры солнца, звалась она Белой.

Две реки есть в Европе:

Они —

Двух земель голоса и тревога,

Незабвенные ночи и дни,

Долгий путь до родного порога.

Берега их по землям прошли

В тихих ивах, в полях и отрогах.

...Пролетали вдали журавли,

Шли солдаты по пыльным дорогам.

Реки, годы текли...

Сколько весен

Зацветал за Карпатами мак,

Словно Сак и Сук¹, не могли

Реки встретиться в жизни никак.

¹ С а к и С у к — два брата, по преданию обреченные на то, чтобы никогда не видеть друг друга.

И весна, пробужденье трубя,
Превращала их в тучу на небе.
Я улавливал в каплях дождя
Голос рек, словно солнышко в хлебе.

В мое сердце одною волной
Ударяются светлые реки.
Вспоминаю о них я с тоской,
Как о самом родном человеке.

I

Радость лета —
Пора голубей.
Голубиная сизая стая
Над деревней зеленой моей,
Словно в мирную пору летает.

Видит старая мать голубей
То туманом,
То дымкой над крышей...
Видит мать у калитки своей
Голубят —
Загорелых мальчишек.

И своих вспоминает детей!
Где теперь ее милые дети?
От деревни далекой моей
Протянитесь, зеленые ветви.

Заслоните джигитов собой
От огня, от меча и от пули.
Дети, дети,
Вернитесь домой!
Как прекрасны рассветы в июле!

Жизнерадостный лет голубей
В позолоченном небе над речкой
Словно детство ее сыновей,
Улетевшее облаком в вечность.

Речка Сюнь,
Задержи над собой
Голубиную сизую стаю.
Над твоею живою водой
Пусть она никогда не растает.

Голос матери
В песне твоей,
Берега твои хмелем увиты.
Третий год к водопою коней
Не ведут ее дети — джигиты.

Их четыре.
Куда ни взглянуть —
Вот они,
Ее голуби дети.
Во единый сбегаются путь
Все дороги и тропы на свете.

Город Ржев был последней зарей
На пути ее старшего сына.
Где упал ее голубь второй,
У какого горящего тына?

«Город Харьков находится где?» —
Спросит мать у мальчишки-соседа.
Быть там третьей жестокой беде...
Что же медлит с приходом Победа?

Где же сын ее младший —
Айдар?
Где он?
Ветер, поведай, не мучай.
Как за все пережитое,
В дар,
Сохрани его матери, случай!

Сохрани его, милости час!
Голубенок из огненной стаи,
С синевой поднебесною глаз,
Над какою землею ты летаешь?

Голубята стремятся к реке.
Материнское сердце в тревоге.
Что же там, за рекой,
Вдалеке,
На большой незнакомой дорожке,
На большой незнакомой земле?..
Материнскую муку и горе,
Сизый голубь,
На сизом крыле
Унеси через реки и горы.

II

Память сердца хранит навсегда
Тот июнь,
То горячее лето.
Полустанки,
Леса, города,
То, что было в боях недопето;

Те дороги,
Которыми шел
Мой земляк —
Синеглазый мой сокол.
Я гостей приглашаю за стол.
Сердце песню хранило до срока.
Наливаю в бокалы вино.
Мое первое слово о друге:
Это было, как в сказке, давно,
Это было в пылающем круге.

Нет Айдара в ночном у реки,
И костра его нет у обрыва.
Говорили о нем старики:
В мать лицом —
Будет парень счастливый.

Вспоминает прохладная Сюнь
Загорелые плечи мальчишки,
Оглушенный бедою июнь,
Голубиную стаю над вышкой.
Снились мальчику часто во сне
Облака голубые и ветры.
Обожженной грозой сосне
Дал Айдар голубиные ветви.

III

В час,
Когда с водою шла
Мать от речки Сюни,
Ночь была светлым-светла,
Словно день в июне.

В теплых гнездах на сосне
Зоревали птицы.
Что там с сыном на войне?
Матери не спится.

В час,
Когда с водою шла
Мать от речки к дому,
Птица сына понесла
К берегу чужому.

Птица сокол — самолет,
Звезды под крылами.
Сын сейчас кольцо рванет
Сильными руками.

В небе вспыхнет парашют
В перекрестке света.
Две минуты...
Пять минут
Превратятся в лета.

Вспыхнет в памяти курай¹,
Обожженный маем,
Голубиный сизый край,
Мать его родная.

Синеглазый бородач,
С ним друзья — солдаты...

¹ Курай — растение, похожее на тростник, из которого делают башкирский музыкальный инструмент — курай.

Нажелали им удач
В эту ночь ребята.

Нажелали, как всегда,
Смерть любым манером
Обмануть.
«Эй, Борода!
Прыгай с неба первым!»

Синеглазый бородач —
Парень из счастливых:
«Если — что...
Иван, не плачь,
Не люблю плаксивых».

...Если — что...
Айдар, скажи,
Что тебя тревожит?
Обещай, что будешь жив,
Будешь осторожным.

Будешь птицей и лисой,
Бурей, тишиною...
Верь в счастливый жребий свой —
Ты рожден весною,

В пору жизни,
Под метель
Лепестков и света.
Осыпало колыбель
Теплым снегом с веток.

Меркнет бездна под крылом.
Ночь, как тень, немая.
Далеко родимый дом,
Мать его родная.

Думы, словно облака, —
Тяжелей, чем ниже
Над землею,
Где река
Теплый берег лижет.

Ваг —
Название той реки,
Будто имя бога.
Никуда от той реки
Не ведет дорога.

Только поле,
Только мак,
Только в пояс травы.
Голубая речка Ваг,
Слева лес и справа.

Шел войне четвертый год,
Парню двадцать третий.
Знать бы парню наперед,
Где он счастье встретит.

Притаилась тишина,
Чехи носят траур.
Нет ни отдыха, ни сна,
Нет на счастье права.

Над землей — нависла тень
Свастики колючей.
Застилает белый день
Дыма черной тучей.

И, как жизни островок,
Как причуда лета,
Словно выпорхнул домик
Из зеленых веток.

Разбегаются выюны
Весело по стенам.
Будто нет вокруг войны,
Пахнет свежим сеном...

В этом домике лесник
Обитает старый.
Бережет седой старик
Рощу от пожаров.

Тихий домик лесника,
Куры на поляне...
Сжала девичья рука
Пистолет в кармане.

Как во сне, звучат слова
Четкого пароля.
Видел в жизни он девчат:
На войне и в школе...

Он теряться не привык,
Но в груди забилось
Сердце так,
Что словно вмиг
Все остановилось.

Куры белые, коза,
Солнца шар в зените.
Он растерянно сказал
Власте: «Извините».

Незабудок голубей
Девушкины очи.
Вспомнил парень голубей,
Голубые ночи..

Речка Сюнь поет о чем —
Или Ваг?..
Он слышит:
Наполняет песня дом,
Ветер не колышет
Ни травинки на земле,
Притаились буки, —
Это было на войне.
Встречи и разлуки —
Все у смерти на виду.
В это лихолетье
Отведи, судьба, беду,
Заслоните, ветви.
Светлый полдень, заслони
Девушку, батыра,
Дай, чтоб встретили они
День священный мира.

Думу думает лесник:
«Вот была бы пара...»

Милой Власты светлый лик,
Смуглый лик Айдара.

Заслонили все собой —
Все печали, беды.
Будто сын пришел родной
Возвестить Победу.

Два крыла у лесника,
Две певуны дочери.
Их баюкала река,
Их ласкали ночи.
Пеленала их луна,
Умывали росы.
Осыпала им весна
Золотинки в косы.
Да смотрели им в глаза
Незабудки — сестры.

Да надвинулась гроза
На счастливый остров.
Власта —
Правое крыло,
Левое — Марина.
В доме с дочками светло —
Заменили сына
Две дочурки, два крыла,
В старости опора.
Мама Властой нарекла
Старшую,
Которой
В двадцать лет отмерян срок
Радости и муки.
«Береги ее, сынок...»
Горький час разлуки.
У отца
Тоска в груди.
Смотрит Власте в очи.

Говорит отец:
«Иди...
До свиданья,
Дочка...»

Вслед за ней уйдет сестра
Младшая из дома.
Запыляет у двора
Желтая солома.
Слижет пламя со стены
Безмятежьи лета —
Развеселые вьюны
Голубого цвета.

V

Образ Чехии —
Страны
С той поры далекой,
С отгремевшей той войны
Властью светлоокой
Не однажды в сон придет,
В мирный сон Айдара.

...Тихо Ваг во тьме течет,
Тихо в роще старой,
Путь не легок в тыл врага.
Мягко стелют травы
Непримятые луга.
Ищет переправу
Власта,
Всматриваясь в даль,

Говорит ребятам:
«Мне, братари¹, очень жаль,
Ходит с автоматом
У причала часовой.
Плыть придется выше».
Голос девушки-связной
Часто ночью слышит
Седовласый ветеран
У причала Сюни.
...Плыть приказ ребятам дан.
В пору полнолунья
Семь вошли богатырей
Вслед за Властой в реку.
Одолеть бы сто морей
Можно человеку.
В этот миг, когда она
Ступит в воды Вага,
В небе вспыхнет не луна —
Золотая Прага,
Это дочери твоей
Легкое крылье
Вспыхнет отблеском над ней
В серебристой пыли.

Свет зардеет над тобой,
Золотая Прага.
Заслонит тебя собой
С тихой речки Вага
Молодая, как весна,
Девушка Полесья.
Отгремит, пройдет война,

¹ Б р а т а р и — товарищи (чешск.).

Но не стихнет песня
Вага светлого, берез
В сердце у солдата.
В отголоске вешних гроз
Различит когда-то
Он зловещий перестук
Вражьих автоматов.

...Истекая кровью, друг
Сжал в руке гранату.

Шквал огня со всех сторон,
Ян¹ теряет силы.

«Передай живым поклон, —
Друга попросил он, —
Замени меня в бою,
Будь мне кровным братом,
Не отдай страну мою
Недругам проклятым...»
Над могилой Ушьяка
Дождь пролился светлый,
Разнесла печаль река
Рокового лета.

...Память, память,
Не спеши,
Не веди к могиле.
...В тихом доме ни души.
Печи поостыли.

Немцы ищут печника.
Дом тот генералом
Облюбован — вот пока
Все, что Власта знала.

¹ Ян Ушьяк — командир партизанской бригады имени Яна Жижки.

«Немцы ищут печника?
Облегчим заботу.
Ну-ка, дочка лесника,
Живо — за работу!»

Скажет Власте командир:
«Нарядись в старушку.
Я печник». Смеясь, батыр
Бросит в ранец кружку,
Бросит ложку, мастерок,
Шляпу сдвинет лихо
На седеющий висок.
Скажет Власте тихо:
«Будь спокойна.
Ты со мной,
Будет все — как надо».
Человек мастеровой
Ходит у ограды.
Коменданту доложить
О своем приходе,
О желании служить
Просит он.
Выходит
Немец грустный и седой
И сверлит глазами
Человека с бородой,
С черными усами.

Документ по всем статьям —
Шифровые знаки.
«Я тебя проверю сам.
Лжете вы, собаки... —
В злобе крикнет комендант. —
Я не верю чехам!» —
«Я не чех, я эмигрант», —
Отзовется эхом

Сильный голос печника
За тяжелой дверью.
И в ответ издалека:
«Все равно — не верю!»

Власта ждет, как целый век,
Полчаса у входа.
Кто ты, смелый человек,
Кто ты, сокол гордый?
Где ты рос и где ты жил,
Кто тебя от страха
В добрый час заговорил?..
Сердце, словно птаха,
Бьется в девичьей груди,
Броситься на помощь?!
Но приказ Айдара «Жди!»
Партизанка помнит.

Мысли мрачные гнетут
Сердце поневоле.
«Причитается за труд.
Вот они — мозоли, —
Поднесет «печник» ладонь
Немцу прямо к носу. —
Посмотри, какой огонь!
Есть ко мне вопросы?»

Сунет деньги «печнику»
Немец за работу.
И укажет чудаку
Пальцем на ворота.

А под вечер
В доме том
Генерал со свитой
Разместится.
Грянет гром,
Вырвется со свистом
Пламя желтое в окно.
Дым взовьется к небу.
Мастер канет, как на дно,
Будто здесь и не был.

Перекрыты все пути,
Каждый куст примечен.
Был приказ живым найти
«Печника» в тот вечер.
Но «печник»
Уж не печник —
Командир бригады.
Поищите, он привык
Жить со смертью рядом.

Бой затеян,
На путях
Взорваны снаряды:
Был «печник» опять в гостях.
Командир бригады —
Партизанский голова —
В миллион оценен.
Выжигается трава,
Лес, пустырь оцеплен.
Говорил Айдар шутя:
«Немцы скупы все же...
Взять меня живым хотят —
Это невозможно».

Небо серое в дыму,
Под горой Княгиней
Бой припомнится ему:
Осыпают иней
На горячее лицо
Вековые буки.
Все тесней,
Тесней кольцо.
Правнуки и внуки!
На горе высокой той
Красные тюльпаны,
На горе высокой той
Бились партизаны.
Был десяток смельчаков,
С ними Власта рядом.
Каждый смерть
Принять готов,
Но спасти бригаду.

Вага светлая вода
Им омывает раны.
Пусть сдаются города,
Но не партизаны.

...Раны старые в груди,
А на сердце рану
Лес зеленый бережит
Другу-партизану.

...Перевязана рука,
И плечо, и ноги.
Низко ходят облака
В роще у дороги.

«Я тебя спасу, спасу...» —
Власты голос милый
Слышит он в родном лесу,
Набирает силы
Этот голос,
И уже
Все березы мира
Шепчут:
«Ты в моей душе,
Мы бессмертны,
Милый...
Я люблю тебя,
Очнись.
Я с тобою рядом...»
Сквозь листву мелькнула высь
Незабвенным взглядом.

...Мать зовет Айдар в бреду,
Голос издалека
Говорит ему: «Иду...»
Шелестит осока.

Над рекою Сюнь рассвет,
В серых тучах небо.
Сколько зим
И сколько лет
Он у речки не был...

Горе матери в века
Превратило годы,
Затуманилась река,
Поседали горы.
Он очнулся.
Свет зари
В щели сеновала
Пробивался.

«Повтори
Все, что ты сказала!

Власта, слышишь?
Повтори.
Дай мне, Власта, силы». —
«Я люблю тебя,
Люблю.
Я с тобой,
Мой милый...»

Прозвучало в тишине,
В сердце партизана.
Это было на войне.
Заживали раны.

Заживали,
А одна
В сердце кровоточит.
Кружит в памяти война,
Кружит дни и ночи.

VII

Память, память,
Пощади.
Не веди к могиле.
...День Победы впереди.
Облака застыли
Над измученной землей.
Чехия,
Ты слышишь,
У рейхстага вспыхнул бой,
Взвился флаг над крышей
Ненавистного гнезда?!

Танк Рыбалко в Праге.
Брались с ходу города.
Знамя на рейхстаге
Разгоралось в небосвод
Над Европой целой.
Шел к концу победный год.
Цвет каштанов белый
Опадал на мостовых.
Закипали реки.
Прага,
В памяти живых
Этот день навеки.

VIII

Бой последний
Замер, стих.
Травы стынут в росах.
Две тропинки золотых —
Золотые косы
Разметались, как лучи.
Власта смотрит в дали.
Что же ты, Айдар, молчишь?
У тебя отняли
Светлооую твою.
И жену,
И друга.
Не сберег ее в бою.
Стихли травы луга.
Стихли горы и леса,
Стихли Вага воды...
Оживи ее глаза,
Добрый день Свободы!

Вечная память павшим!
Вечная слава живым!
Свежие борозды пашен.
Мирный над крышами дым.
Радуги свод над Татрой.
Лес в бирюзовом сне.
Сегодня в Пражском театре
Премьера идет о войне.

Сегодня на улицах Праги
Праздник грустный и светлый.
Трепещут крылато флаги.
В венках багровые ленты.

Идут ветераны строем
К могилам павших друзей.
Идет генерал стройный,
Двое идут сыновей
Товарища по отваге,
Погибшего на допросе,
В застенках гестапо в Праге,
В суровую давнюю осень.

Ищет седой генерал
Кого-то в толпе глазами.
Он не ошибся — узнал:
Власта стоит с цветами,
Молча стоит,
Живая,
На плечах золотые локоны.
Такая же молодая,
Такая же светлоокая,
Как в день последнего боя,
Как в ночь у реки

В полнолуние.
Платье на ней голубое,
Как небо
Над речкой Сюнью,
Как небо
Над тихим Вагом
Глаза ее чистые.
Может быть, не было в Праге
Последнего выстрела?..
Может быть, не было боя?..
Только зияет раной
Имя ее святое
В черной траурной раме.
Строгий квадрат гранита,
Месяц и день того лета.

Страшное слово «убита»
Закрыла собой ветка —
Ветку уральской рябины
Айдар положил на розы.
Он не окликнет Марину.
Глаза затуманят слезы.

Он побоится разрушить
Чудо этого дня.
Словно живые души,
Блики святого огня.

Над Прагой спускается вечер,
В небе птицы теснятся.
Цветы и огонь Вечный
Сегодня Марине приснятся.

Приснится Марине дом,
Власты голос певучий,
Над Вагом весенний гром,
Пробитые солнцем тучи.

Мгновения вечности

(Отрывки из поэмы)

...Родилось наше время в огне и в дыму,
В жарких битвах и пламенных песнях...
В эту ночь родился в неприметном дому
Нашей славной эпохи ровесник.

Мустай Карим

Первое мгновение

1. Голос Времени

Я — летящее Время.
Восходы
И закаты — они мне сродни.
Я — эпохи. Я — долгие годы.
Я — недели. Я — ночи и дни.

Я —местилище мрака и света,
Бесконечных космических вех.
Но одна мне известна планета —
Та планета прекраснее всех.

Никогда я ее не забуду,
Голубеющую в полумгле.
Разум — это великое чудо —
Существует на древней Земле.

Я как Время —
Бессмертно от веку
На сплетениях личных орбит.
Но завидую я человеку:
Он страдает, спешит и горит.

Вот росток распрямился упруго.
Вот темнело.
Вот — снова светло.
Неспроста от меня по заслугам
И добро получает, и зло.

Слышу я и дыхание моря,
И тревожной листвы шепоток.
И любви,
И коварству,
И горю
Назначаю я истинный срок.

Вижу мир.
Голосам его внемлю
Как свидетель всему и судья.
Но подчас
С удивленьем на Землю
Взгляд бросаю из вечности я.

Переполнено я стариною,
Ворохами событий и вех.
Но родился
Однажды весною
На Земле не простой человек.

2. От автора

Летят мгновения, как дым.
И вроде
Все их мало:
Заснул джигитом молодым —
Проснулся аксакалом.

Но волю мыслям я даю...
Да, здесь, в моей Отчизне,
Коль все учесть,
То в жизнь мою
Вместилось десять жизней.

В том мире,
Что вокруг бурлил,
Соблазнов было много.
И все же, не жалея сил,
Я шел с эпохой в ногу.

Бывал и радостным подчас,
И грустным — не для вида.
Дарила мне судьба не раз
И ласку, и обиду.

Мне Время открывало свет.
Но часто в свете этом
К Первопроходцу наших лет
Спешил я за советом.

Мы прошлым Родины горды.
Но я-то лично знаю
О том, что Ленина следы
Хранит земля родная.

Поэзия!
В мечтах своих
Лишился я покоя:
К чертам вождя хотя бы штрих
Добавить мне строкою.

3. Говорят

ВОЛЖСКИЕ ВОЛНЫ

Мы стремимся пенно к небосводу,
При любом вскипая ветерке.
Мы охотно помогаем водам
Льдины гнать весною по реке.

Не считаем мчащихся мгновений.
Но, у мудрости людской в долгу,
Знаем:
Как-то раз великий гений
В мир пришел на этом берегу.

Мы всего лишь
Волны в гребнях пенных,
Но не раз, поверьте нам, не раз
Горький — буревестник откровенный—
С кручи этой всматривался в нас.
Полные безудержного буйства,
Весны посещали этот край.
Переняли наше беспокойство
Мулланур, Шагит¹ да сам Чапай.

Волжскими людьми
Страниц немало
Вписано в историю страны.
И Некрасов, и крылатый Чкалов —
Это края нашего сыны.

¹ Мулланур Вахитов, Шагит Худайбердин — борцы за Советскую власть в Татарии и Башкирии, соратники В. И. Чапаева.

Сына проводил Симбирск в дорогу.
А Казань из этого юнца
Не в одно мгновение — понемногу
Сделала великого борца.

Песням,
Здесь летевшим через годы,
Грустью откликалась высота.
Труд и мощь рабочего народа
Уносили воды без следа.

Здесь теперь мы, волны,
Света жаждем,
Разбегаясь круче и вольней.
Здесь весною в мир пришел однажды
Он — Первопроходец новых дней.

Второе мгновение

1. Монолог дома на углу

Я — деревянный дом,
Причем из древних.
Я мезонином шурился на свет.
Я на углу Жандармской и Тюремной¹
Стоял в Уфе немало зим и лет.

¹ Ныне улицы Крупской и Достоевского.

Стоял, тая покой в усталом сердце.
Стоял не весел, но и не уныл.
И к тем домам,
Что были по соседству,
Я зависти, поверьте, не таил.

А как-то раз морозною зимою,
Как бы продолжив тем движение ввысь,
По лестницам моим скрипучим
Трое
В чердачные каморки поднялись.

И по ночам к ним
Гости зачастили,
Светились в окнах слабые огни.
А мне казалось, новая Россия
Там намечает будущие дни.

— Давно вас ждем! —
Там Ильина¹ в объятья
Спешили заключить без лишних слов
Порывистые Кадомцевы-братья,
Якутов, и Цюрупа, и Попов.²

И стыли сосны.
И летели тучи.
И горизонт был где-то далеко.
И мнилось,
В мир, огромный и кипучий,
Окно распахивалось широко.

¹ Ильин — один из псевдонимов В. И. Ленина.

² Якутов, Кадомцевы, Цюрупа, Попов —
уфимские революционеры.

Да, горд я тем,
Что был приютом истин,
И не хочу себе иной судьбы:
Ведь здесь когда-то
Высекалась искра,
Чтоб возгореться пламенем борьбы.

2. Воспоминания парохода

Мне стыть отныне в тишине.
И все-таки упрямо
Я верю:
Помнят обо мне
И Агидель, и Кама.

Пути мне видятся мои.
И слышится на диво,
Как над водою соловьи
Звучат в плакучих ивах.

Великий груз возить я мог,
Хоть невелик с рожденья.
И вслушивались в мой гудок
Окрестные селенья.

И птицы пели в тишине
Вечернею порою.
Однажды, помнится,
На мне
В Уфу спешили трое.

Курай здесь
Обращался к ним
Простой башкирской песней.
Но стоном, чудилось троем,
Звучало поднебесье.

Сердца стучали
Все сильнее,
Бои в грядущем ждали.
Первопроходец новых дней
Смотрел в родные дали.

Прикол конечный ждет меня.
Но, старостью отмечен,
Я помню три-четыре дня
Недолгой этой встречи.

И мне на миг
Покоя нет
Ог тех былых видений
Во имя всех грядущих лет
И новых поколений.

3. Рассказ древнего дуба

Леса манила высота,
В лугах шептались травы.
Во мне осталась навсегда
Та встреча на яйлау¹.
Над кобылицами навис
Простор небесной рани.
Известно,
Что хорош кумыс
На берегах Тюляни.

Костры в ночи — как в забытьи
И слева здесь, и справа.

¹ Яйлау — летнее пастбище.

Скот у Тукаева Яхьи
Здесь вволю щиплет травы.
И здесь,
Где дышится вольней,
Увидеть довелось мне:
Великий гений наших дней
Пришел к башкирам в гости.

И разговор о давних днях
И новых днях башкира
Светил в альшеевских лесах,
Как будто правда мира.

4. От автора

Письма, письма...
Даже птицам
Не осилить их путей.
Письма многие границы
Переходят без затей.

В письмах тайные чернила.
Боль разлуки.
Зов борьбы.
Все, что будет, есть и было,
В письмах — вестниках судьбы.

Письма из Уфы...
Внимание
Прояви — услышишь, тих:
В них простых людей дыханье,
Стук сердец горячих в них.

Письма
Чувств своих не прячут,

В грусть и в радость уводя.
В письмах общие задачи —
Дело личное вождя.

Как растет порою зданье
В небо —
К кирпичу кирпич,
Так единого сознанья
Людям следует достичь.

Что ж, Уфа моя, гордись ты:
В дни, открытые для зла,
Вышло как-то так,
Что «Искре»
Ты опорой была.

Дни брели.
Ползли недели.
Через даль и через близь
Письма мчались к Агидели
И к Заале¹ вновь неслись.

Третье
мгновение

1. Речь Амайи — дочери
Долорес Ибаррури

Башкирия!
Недаром я
В твое смотрелась поднебесье,
Любовь моя, мечта моя,
Запавшая мне в душу песня.

¹ Река вблизи Лейпцига, где печаталась ленинская «Искра».

Я помню сладких ягод вкус,
Я ласковые помню воды.
С тобой несли мы сложный груз,
Делили мы с тобой невзгоды.

А разве я забыть смогу,
Как годы шли и дни летели
В том домике на берегу
Твоей негромкой Агидели?

Луг неоглядный.
Звон ручья
Под синим и высоким небом.
Не раз башкиры, как друзья,
Своим делились с нами хлебом.

И становились мы сильней,
А чуть дела в Уфе отпустят,
Приедет мама — вместе с ней
Мы родину припомним с грустью.

Я помню,
Как на фронт мой брат
Подался из Уфы до срока.
Мы знали, через Сталинград
Ведет в Испанию дорога.

Мы знали, время перемен
Придет —
Но не легко и прямо...
Те письма, что прислал Рубен,
Оплакиваем я и мама.

Он преградил пути врагу.
И не забудут о Рубене
На том священном берегу,
Где некогда родился Ленин,

Где ценят дружбу и борьбу.
На Волге, в городе-герое,
Приемля общую судьбу,
Лежат в могиле братской
Трое.

Они с бессмертьем обнялись.
И словно бы летят сквозь годы
Рубен, Владимир и Хафиз¹ —
Три сына трех больших народов.

2. Раздумья автора в городе Варне

Так судьбою обласкан не каждый.
За деньками спешили деньки,
А потом довелось мне однажды
Повидать Золотые пески.

Не всегда мы судьбе благодарны...
Я с людьми объясняться могу.
Я люблюсь,
Как белую Варну
Полнит жизнь на морском берегу.

Варна! Варна!
Домами твоими
Восхищаюсь на улицах я.
Здесь Димитрова славное имя
Носит шумная площадь твоя.

¹ В одной из братских могил в Волгограде похоронены вместе русский летчик Владимир Каменщиков, сын татарского народа — офицер Хафиз Фаттахутдинов и Герой Советского Союза испанец Рубен Ибаррури.

Нам с тобою грозили невзгоды.
И Димитров,
Исполненный сил,
Не случайно в далекие годы
По асфальту Уфы проходил.

Площадь
В мраморе белом недаром,
Но неведомо ей забытье,
Потому что Димитров болгарам
Отдал жаркое сердце свое.

Пусть сменяются годы и даты,
Но навеки в тебе и во мне:
Из Уфы «Христо Ботев»¹
Когда-то
Говорил на софийской волне.

Вел Коларов
На мрак наступленье.
И сегодня волнуется грудь,
Я страны ощущаю движенье:
Путь Болгарии — ленинский путь.

И вовек он не будет окончен —
Путь у стольких друзей на виду.
К мавзолею Димитрова молча
Я цветы луговые кладу.

¹ Так называлась болгарская радиостанция, работавшая в годы войны в Уфе.

Заключение

Кажется: иными были б реки,
Солнца свет, веселых весен клич,
Если б по Уфе
В начале века
Не ходил задумчивый Ильич.

Пароходы, самолеты, песни
Вдаль и вдаль
Влекут сынов степей.
Гордо поднят Ленин в поднебесье
Знаменем республики моей.

Нет, не даром ленинскою стала
Трудная, но светлая судьба:
Плавится руда
В печах Урала,
Поднимаются в полях хлеба.

И присутствием вождя отмечен
Каждый шаг наш
По родной земле:
Кажется, что Ленин мне навстречу
Выйдет в Смольном или же в Кремле.

Содержание

Память, не дающая покоя. В. Росляков	3
--	---

Стихи

Солдаты Курской дуги. Перевод А. Боброва	10
--	----

Светлый день

На уральском танке сын Урала. Перевод А. Боброва	11
В 45-м над Одером. Перевод В. Виноградова	12
Крещатик. Перевод В. Виноградова	13
Янина. Перевод В. Виноградова	14
Каурый конь. Перевод Вл. Савельева	15
Командарм. Перевод В. Виноградова	17
Думы в городе Черткове. Перевод Г. Глазова	18
Письмо Татьяне. Перевод В. Виноградова	20

Счастливое время

Мое заявление. Перевод В. Сикорского	22
Ночь на переднем крае. Перевод Л. Сорокина	23
Танкисты. Перевод Л. Сорокина	24
Майский вечер. Перевод Л. Сорокина	26
Одно слово. Перевод М. Дудина	27
Однополчанам. Перевод Л. Шикиной	28
Счастливое время. Перевод В. Виноградова	28
Первые. Перевод В. Михановского	29
Ленинградская осень. Перевод В. Виноградова	31
«Возводим мы здание солнечной жизни...» Перевод В. Сикорского	32
«Мои двери покоя не знают ночами...»	

Перевод В. Виноградова	33
О бережливости. Перевод В. Виноградова	34
«Было время — наивен, беспечен...»	
Перевод В. Виноградова	35
«Становится все больше дел и лет...»	
Перевод В. Виноградова	35
Другу. Перевод В. Виноградова	36
Конец лета. Перевод В. Виноградова	36
Воспоминание. Перевод В. Виноградова	37
Однофамильцы. Перевод Вл Савельева	39
Приезжай... Перевод Вл Савельева	41
Не верю! Перевод Вл. Савельева	43
В сельском клубе. Перевод В. Виноградова	44
Мужской день. Перевод В. Виноградова	45
Шульган-таш. Перевод Г. Глазова	46
Железным плугом. Перевод В Виноградова	47
Таланты. Перевод В. Шаргунова	48
«Как парус, побелевший в плаваньях...»	
Перевод В. Виноградова	49
«Слышу грустный шум у изголовья »	
Перевод А. Боброва	51
«Красного заката полоса...» Перевод А. Боброва	52
«Где-то подо льдом голубоватым...»	
Перевод А. Боброва	53
В дачном поселке. Перевод А Боброва	54
Надежда и любовь	
«Четверть века ..» Перевод В Сикорского	55
Вдали от дома. Перевод А. Шевелева	56
Думаю о тебе. Перевод А. Боброва	57
«Пути и годы за спиной..» Перевод А. Боброва	57
Озерные песни. Перевод А. Боброва	58
Твой взор. Перевод А. Боброва	59
«Встречаться с тобой — излишне...»	
Перевод А. Боброва	60
Черная лебедь. Перевод А. Боброва	61
В лунный вечер. Перевод А. Боброва	61
Девушке-цветоводу. Перевод А. Боброва	62
«Снег сверкает белизною...» Перевод А. Шпирта	63
«Буран метет...» Перевод В. Сикорского	63
«Я один блуждаю ночью поздней...»	
Перевод В. Сикорского	64
«К нам приезжай и убедись воочию...»	
Перевод В. Сикорского	64

«Помните, после работы уставший...»	
Перевод В. Сикорского	65
«Я был в краю, где нежным зорям вторят...»	
Перевод В. Сикорского	66
«Тебе, родная моя, дарю...»	
Перевод В. Виноградова	66
Тропинка, что спускается к реке.	
Перевод В. Сикорского	67
К рождению дочери. Перевод Л. Озерова	68
Как ляжет первый снег... Перевод В. Виноградова	70
Надежда. Перевод В. Виноградова	71
Любовь. Перевод Вл. Савельева	72
«Нашей свадьбы как будто вчера...»	
Перевод В. Виноградова	73
«Заря сегодня в тучках нежных...»	
Перевод В. Виноградова	74
«Каждый год с какой-то завистью смотрю...»	
Перевод Л. Сорокина	75
Разговор с песней. Перевод В. Виноградова	75
Слово о поэзии. Перевод В. Михановского	77
Мое сердце. Перевод В. Михановского	79
В больнице. Перевод В. Михановского	80
Минута раздумья. Перевод В. Михановского	81
Радость. Перевод В. Михановского	82
«И тогда, когда в жизни...»	
Перевод В. Михановского	83
Дни далекие... Перевод В. Михановского	84
«Зимы как будто вовсе нет...»	
Перевод А. Шевелева	85
Привал. Перевод В. Михановского	87
Имя твое. Перевод В. Михановского	87
Давнему другу. Перевод В. Михановского	88
Влюблен я в мира красоту.	
Перевод В. Михановского	88
Январь. Перевод В. Михановского	89
Раздумье. Перевод В. Михановского	91
«Я твой, Москва, бессменный часовой!...»	
Перевод В. Михановского	93
Памяти Семена Данилова.	
Перевод В. Михановского	93
Оленья тропа. Перевод В. Михановского	94
Тебя мы ждали... Перевод В. Михановского	95
Слово прощания. Перевод В. Михановского	95
Память. Перевод В. Михановского	96

В родной стороне

В родной стороне. Перевод Г. Глазова	98
Соловьи. Перевод В. Виноградова	99
Вершины. Перевод А. Шевелева	100
Край орлиный. Перевод Вл. Савельева	101
«Над моим родимым краем...»	
Перевод А. Боброва	102
Мост на Урал-реке. Перевод А. Боброва	103
Эх, пойду на сабантуй. Перевод А. Боброва	104
На полях родных. Перевод В. Виноградова	105
Подарок. Перевод В. Виноградова	105
«На рассвете смотрю я на небо...»	
Перевод В. Виноградова	106
Проводите меня, березы. Перевод Л. Шикиной	107

Поэмы

Три горсти земли. Перевод Т. Кузовлевой	110
Две реки. Перевод Л. Шикиной	136
Мгновения вечности. (Отрывки из поэмы)	
Перевод Вл. Савельева	159

Гилемдар Зигандарович Рамазанов

ПАМЯТЬ

Стихотворения и поэмы

Редактор С. Агальцов

Художник В. Тё

Художественный редактор А. Дианов

Технический редактор С. Бирюкова

Корректоры М. Курносенкова, Е. Кабикова

ИБ № 3277. Сдано в набор 17.05.84. Подписано к печати 17.09.84. А07427. Формат 70х90¹/₃₂. Гарнитура литерат. Печать высокая. Бумага тип. № 2. Усл. печ. л. 6.44. Усл. кр.-отт 6.57. Уч.-изд. л. 6,63. Тираж 10,000. Заказ 1457. Цена 75 коп.

Издательство «Современник» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли и Союза писателей РСФСР
123007, Москва. Хорошевское шоссе, 62

390012, Рязань, Новая, 69/12
Рязанская областная типография